

The book cover features a detailed illustration. At the top, a man with long red hair and a blue cape sits on a throne, looking towards the viewer. Next to him, a woman with long blonde hair in a white gown stands, looking down. The background is a dark, ornate interior with a large circular stone relief. In the bottom left, a blue phoenix with its wings spread is perched on a stone ledge. The bottom right shows a cityscape with domes and spires under a sunset sky.

Александра Черчень

Закон о чистоте крови.
Слуги богини

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Закон о чистоте крови... Железный обычай, алмазная традиция, правило, из которого нет исключений.

А что, если нет желания покоряться строю, приказу, мужчине? Объяснять, куда покровитель дела отца может идти со своими предложениями, чревато... но и сдаваться Лалидари не намерена!

Вот и посмотрим, кто кого! Алмазные традиции могут катиться в каменоломни гномов, железные правила – к ним же на наковальню, а рыжий наг с неприличными предложениями – в восточные нетрадиционные гаремы!

Александра Черчень

Закон о чистоте крови. Слуги богини

Часть первая

Я забила в кресло, неверяще глядя на отца, который устало тер висок, покрытый синими чешуйками, и отводил взгляд.

– Лали, я ничего не могу поделать, – все же взглянул на меня сиятельный лорд клана Скользящих. – Сила проснулась, хотя мы никогда не рассчитывали на это. Держали тебя в девичьих секторах только ради перестраховки. Но... ты использовала магический дар, а значит, засветилась. И теперь ты попадаешь под действие Закона о чистоте крови. Право первой ночи...

– Папа, – помотала я головой. – Так нельзя! Да, проснулась сила, родовой дар, но у меня все равно нет полноценной срединной ипостаси!

Для наглядности я вскочила из кресла, да еще и подол платья подняла до колен, открывая ноги.

– *Как* чисто физически можно провести эту... процедуру, если я полукровка, а партнер – полноценный и хвостатый?!

– Уже были случаи, когда в девушках-полукровках просыпался голос крови, – нервно переплел когтистые пальцы родитель. – Ритуал проходил успешно, без сильного вреда для здоровья девушки.

– Замечательно! – истерически рассмеялась я. – «Без сильного вреда»! Ты меня успокоил, утешил и вообще вознес на вершины блаженства!

– Лалидари, не ерничай! – сверкнул зелеными глазами папа и эмоционально продолжил: – Мне сейчас не легче, чем тебе! Я никогда не думал, что эта сторона жизни – едва ли не единственный закон животного мира, который остался в нашем обществе, – тебя коснется! Но он – основа нашей цивилизации, он – правило! На нем держится сила настоящего и наше будущее! – Видимо, на этом искусственный запал кончился, и папа уже ровно и почти обреченно завершил: – Из Закона нет исключений, моя девочка. И... наверное, я был неправ, закрывая глаза даже на минимальную вероятность того, что голос крови проснется. Мы не готовили тебя психологически. И вот результат.

– Я убегу, – безнадежно, уже сама понимая, какие глупости говорю, выдохнула я и опустилась на ковер. Запустила пальцы в жесткий ворс, сжала кулаки, чувствуя, как впиваются в ладони мои небольшие коготочки, которые и когтями-то назвать было сложно. – Уползу! У меня же есть змеиная ипостась! И человеческая есть! Только срединная неполноценная... Папа, я не буду! – вскинула я голову, твердо глядя на внушительного нага за письменным столом. – Я не буду покорно отдаваться в лапы незнакомому змееподобному монстру! Согласно Закону, женщина (илу), пока не поменяет рисунок чешуи, находится почти что в собственности мужчины (илудара). Я не перепутала термины, которые присваиваются на время «выполнения священного долга перед славным народом нагов»?!

Отец осуждающе покачал головой, но ответить не успел. Это сделали за него.

В комнате раздался низкий смех. Я вскинула голову, глядя в сторону камина, и сейчас потрясенно наблюдала, как рассеиваются чары невидимости, позволяя увидеть вольготно разлегшегося в кресле рыжеволосого нага с красивой медно-красной чешуей, в одежде сине-золотых цветов дома Топазовой Крови. Младший сын, бастард без права на Кольцо Главы, один из лучших парфюмеров нашего народа и... мой друг.

– Ты все назвала правильно, малыш.

– Инейран, – радостно улыбнулась я, отмахнувшись от нерешительного замечания здравого смысла: «А чего это он был невидимый? А теперь сидит с такой глумливой мордой и странным блеском в синих глазах?» Вскочила с ковра, одернув платье, и, порывисто жестикулируя, начала: – Ты слышал?! Это же варварство! Как можно, ну сам подумай?! Ты меня видишь? – Для наглядности я провела ладонями по бокам до бедер и поведала очевидное: – Я же маленькая! И меня убьют в процессе!

Он, как зачарованный, проследил за моим жестом и медленно кивнул.

Я скосила глаза на отца, который, горестно простонав, уронил лицо в ладони. Иней же окинул меня странным взглядом, медленно улыбнулся, открывая роскошный идеальный прикус, и проговорил:

– Да, вижу... Не волнуйся, все будет хорошо.

– Так ты поможешь? – расцвела я, делая еще один шаг. Теперь я стояла рядом с его креслом. Наклонилась и от избытка чувств поцеловала нага в щеку, чего раньше никогда себе не позволяла. – Спасибо-спасибо!

– Пока еще не за что, – с хитрой улыбкой провел пальцем по подбородку рыжий. – Благодарить потом станешь.

Окончательно решив, что так теперь мне ничего не грозит, потому что Инейран имел немалое влияние во многих отраслях и, чисто гипотетически, мог все урегулировать, я наклонилась, чтобы на радостях еще раз чмокнуть гладкую щеку. Но этот змей вдруг быстро повернулся, и я с ходу коснулась губами уголка его рта. Отстраниться сразу не получилось, потому что в мои волосы скользнула большая ладонь, кончик хвоста подсек ноги, лишая равновесия, и Иней поцеловал меня уже по-настоящему. Ну, попытался. Насколько это возможно при условии полного равнодушия партнерши.

Я только ошеломленно хлопала глазами и упиралась ладонями в широкую грудь в попытке вырваться. Раздалось громкое шипение, после чего полыхнула зеленая вспышка, и я оказалась в объятиях отца, который задвинул меня себе за спину и, тряхнув каким-то свитком, рыкнул:

– Я еще ничего не подписал! Держи себя в руках!

Немного дымящийся от воздействия папочки змей оскалился и одним движением метнулся к столу.

– Так подписывайте, лорд Нарийн! – ласково проговорил медный наг. – И поскорее, я не люблю ждать.

– Полгода ждал и сейчас не переломишься, юнец, – тихо отозвался папа. – Оставь девочку в покое. Не отдам ее тебе.

– Вы не найдете никого другого, – холодно усмехнулся Иней. – А если и найдете, то ровно на тот срок, который мне потребуется для его устранения. Как вы верно сказали, я ждал слишком долго, чтобы сейчас упускать змейку.

Ой ты ж, великая богиня! Где мой неизменно спокойный и ироничный друг, приездов которого я всегда ждала как глотка свежего воздуха?! Что это за гадюка ядовитая?! Да какое гадюка... Кобра!

Он посмотрел на меня, и я от жадного синего взгляда почти что на подоконник забралась, точнее, мне вообще очень хотелось выпрыгнуть в окно. Почему раньше я такого не замечала?! Вернее, иногда было что-то непонятное, но... не такое!

П-па-а-апочка!

– Подписывайте, – скрестил сильные руки на груди Инейран. На наге была длинная

сине-золотая туника и широкий пояс, сидевший низко на бедрах. В рыжие волосы, сейчас убранные в ритуальную косу сложного плетения, была вплетена сине-золотая же лента с небольшой заколкой-футляром на конце, в которую прятался пушистый кончик косы. Судя по острым граням, это был не только стильный аксессуар.

Надо заметить, Иней вообще был примечательной личностью. Очень красивый, очень умный, сильный и ловкий, с уникальным даже для нашего народа обонянием, что позволяло ему создавать восхитительные ароматы. Ко мне приезжал всегда с новым подарком собственного изготовления, и я очень дорожила маленькими флакончиками, выточенными из драгоценных камней, в которых хранились не менее дорогие, чем «оправа», духи.

И сейчас... сейчас я вспоминала все, что было, и чувствовала, что меня обманули!

Было очень обидно.

Я ему верила! Много чего рассказывала, даже то, что не говорила приемной маме и сводным сестрам, хотя у нас с ними просто замечательные отношения. Странного тут не было, ведь я кровная дочь не самого лорда Нарийна, которого называю отцом, а его младшего брата, погибшего много лет назад. Но мамой и папой я зову тех, кто меня вырастил. И сейчас они не могут защитить меня от зарвавшегося гада!

Иней скривился, со вздохом пересел в кресло около стола, положил ладонь на гладкую поверхность, постучал пальцами, когтями выбивая незамысловатый ритм, и совершенно спокойно продолжил:

– Лорд Нарийн, ио^[1] Лалидари, прошу меня извинить за резкое поведение. Я дал себе волю, больше этого не повторится.

– Я не подпишу, – непреклонно ответил отец. – Вы можете уходить, и прошу на будущее учесть, что отныне мой дом для вас закрыт, дан-иолит^[2] Инейран Дальварис.

– Да вы что!

Голос папиного противника снова стал низким и вибрирующим, а потом, бросив на меня косой взгляд, Иней вдруг перешел на другой язык. Изначальный, змеиный, который по идее был мне непонятен... да и был непонятен до недавнего времени, даже при тестировании способностей, открывшихся из-за голоса крови. Но сейчас я все поняла!

– Вам напомнить основной род вашей деятельности и источник дохода или не стоит? Может, напомнить, что у вас есть еще две дочери, которые пока не слышали голоса крови? А когда услышат... ваши договоренности с членами отряда Тишины могут внезапно сорваться, и свободными в нужный момент будут только воины Ярости... Правда, получится неприятно? Для девочек.

Воины Тишины... Они славятся непревзойденным самоконтролем и могут держать себя в руках в любой ситуации. Как правило, для ритуала стараются выбирать именно их. Хотя и дорого приходится платить, но зато дочери будут невредимыми и психологически нормальными. А вот сыны Ярости...

Ах ты ж, с-с-сволочь последняя! Как ты можешь, Иней, *как?! Я*, получается, совсем тебя не знаю. И ты не хотел, чтобы я это слышала!

– Вы зарываетесь, – на том же языке ответил отец.

– Я не хочу так поступать, – как-то очень грустно улыбнулся мужчина. – Но... я уже полгода не могу спать из-за запаха вашей дочери, я схожу с ума, когда она близко. Мне не нравится потеря контроля, она грозит гораздо более серьезными утратами. И подумайте сами... ей этого не избежать. Так почему не я? Девочка вернется почти невредимой, да и я наконец успокоюсь. Всем хорошо!

– Вам хорошо, иолит^[3] Дальварис.

Папа, папа, а ты рискуешь... Опустил приставку «дан», показывая, что не боишься и тебя не беспокоят последствия твоего шага. Очень рискованно, очень страшно.

Это самый красивый, умный, сильный и, несмотря на свою молодость, очень опасный тип. И очень богатый тип. Притом состояние он сделал себе сам, без помощи матери, хотя наверняка не без знакомств, приобретенных при дворе.

Короче говоря, если этот «самый-самый-самый» захочет кого-то утопить, то можно смело готовить шлюпки. А в нашем положении... компания отца в основном занимается как раз продуктами, в которые добавляются творения Инейрана. Косметическая линия.

Он раздавит и не заметит, если захочет.

Ирония... рыжий, яркий и с таким ледяным именем. Я всегда удивлялась, когда слышала, что оно ему идеально подходит. Такой же холодный, страшный и заиндевший. Удивлялась, потому что со мной он был иным. Как выяснилось, лишь с одной целью. Слухи оказались правдивы. Хладнокровный делец, от которого зависит моя семья.

Я не имею права так поступать с родителями.

– Иней, – тихо сказала я, сцепив пальцы и глядя в пол. Так, теперь спокойно, чтобы голос не дрогнул, чтобы не заплакать.

Мне все равно не миновать этого. Закон не допускает. И отец будет *обязан* найти для меня... того, кто проведет эту процедуру, после которой успокоится голос крови, закрепится доминантный ген нагов, улягутся бушующие сейчас сила и гормоны.

Я никуда не смогу скрыться не то что из столицы, даже из нашего квартала. Да и... Не знаю... Я никогда не была за пределами девичьих секторов. Конечно, тут было все, что нужно, от школ и библиотек до выставок, театров и магазинов. Практически полноценная жизнь. Но... я комнатное растение.

– Я тебя слушаю, Лали, – мягко подтолкнул меня рыжий гад.

– Я согласна, – почти неслышно пробормотала я, прикусив губу, чтобы не разреветься. – Не трогай мою семью.

Дальше настала тишина. Инейран молчал, отец – тоже, я не поднимала головы и сильно-сильно сжимала пальцы. Главное – выдержать и не выдать своих эмоций. И все будет хорошо. В конце концов, от такого не умирают. Подумаешь, не особо приятные пара недель... Но стоило осознать, представить все то, что будет происходить, как мне стало совсем плохо и жутко.

Богиня, дай мне сил!

– Лали, ты можешь идти, – раздался усталый голос отца. – Формальности мы уладим.

– Благодарю, – ровно отозвалась я и почтительно поклонилась. Выпрямилась и, все так же не поднимая головы, спросила: – Сколько у меня времени?

– Я бы хотел обойтись без традиционно-праздничной части ритуала, – лениво проговорил Иней, и я не удержалась и кинула на него короткий злой взгляд. Наг опять развалился в кресле с таким довольным выражением лица, что хотелось расцарапать эту наглую морду!

Вдох-выдох. Не время для порывов, Лалидари.

Мои размышления оборвал голос папы, в котором на сей раз звенела сталь и льдинками сверкало презрение.

– Придержите ваши желания до той поры, когда они будут совпадать с вашими возможностями, дан-иолит Дальварис. Вы сами действовали через Закон о чистоте крови, а

значит, все традиционные формальности будут соблюдены.

– Если я и правда вспомню о своих возможностях, то, боюсь, что это закончится не совсем приятно для уже *ваших* желаний, лорд Нарийн, – с холодной усмешкой проговорил младший сын дома Топазовой Крови, а после кинул на меня беглый взгляд и сказал: – Лали, ты и правда можешь идти.

Ах ты, самоуверенная рыжая скотина!

– Дан-иолит Дальварис, у вас нет права мне приказывать, – ровно и доброжелательно сказала я. – Но хочу напомнить, что определенные проблемы я вам все же могу доставить.

– Какая смелость мысли, прекрасная ио! – восхитился рыжий гад. – И что же ты можешь мне сделать, кроме как доставить удовольствие, змейка?

Я даже покраснела от негодования и с трудом сдержала гневную отповедь, но улыбнулась и с немного наигранным сочувствием начала:

– Наверное, будет очень обидно большую часть времени, отведенного илудару, провести на койке лазарета. Яд – это не просто так! Токсины, особенно от укуса самки, выводятся очень медленно и болезненно.

Самка... Едва не скривило при этом слове, но пришлось.

– Ядовитая? – обреченно переспросил Иней.

– Лали, кусаться во время ритуала запрещено, – угрюмо просветил меня мой же папа.

– Я полукровка, – поведала я мужчинам ответную «истину». – Испуганная, насчет традиций не просвещенная, стало быть, состояние аффекта – наше все!

Иней мрачно меня оглядел, а потом кивнул на кресло напротив.

– Ио Лалидари, прошу уделить мне минуту внимания.

Ну раз меня так обходительно просят, то почему бы и не поторговаться?

Я села на мягкие подушки. Глазки в пол, коленочки вместе, лапки на коленочки, и пальчики нервно сжимаем. Вид девы невинной, вражиной напуганной.

– Ио Лалидари, я был бы крайне благодарен, если бы вы перестали напрасно тратить мое время, которое, хочу отметить, очень ценно. Хватит ломать комедию, переходите к сути. Хотя... – Наг порывисто развернулся к моему отцу и спросил, почти срываясь на шипение: – Лорд, почему я узнаю о милых особенностях вашей приемной дочери только сейчас?!

– Дан-иолит, при всем уважении, по-моему, этот вопрос вам стоит задать слишком непрофессиональным сотрудникам юридического отдела, – очень ровно и доброжелательно поведал папочка. – В том досье, что вы вынудили меня предоставить, все указано.

– И где же?

– Ну как же... – радостно развел руками батюшка и, незаметно мне подмигнув, процитировал: – Уровень общей токсичности при определенных ситуациях, обусловленных стрессом организма, может быть, а может и не быть относительно опасным. Но этот пункт является действенным только в случае потенциальной...

– Дальнейшая ирония будет излишней, – сухо перебил мой... потенциальный илудар.

Богиня, ну за что... почему эта сила проснулась?!

А тонкое издевательство над этим типом... хм. Дело в том, что Инейран – парфюмер и маг. Он талантливый аналитик, комбинатор и так далее... но вот юриспруденцию просто дико не любит. И, как правило, все, что может, скидывает на подчиненных. Видимо, досье отца прямым ходом отправилось в мусорную корзину, а наш самый-самый прочитал лишь то, что добыли его резвые ребятки. А данных о том, что я собой представляю в срединной ипостаси, фактически нет. И уж зубки мне точно не проверяли, тем более что ядовитых наг

очень мало даже среди чистокровных, и, разумеется, вероятность того, что такое всплывет у меня, была очень мала. Да и... отец не хотел рисковать и опасался того, что мной заинтересуется каста Здоровья. Медики... те еще звери. Все во имя знаний.

А так как в роду отца ядовитых не было... лорд Нарийн не желал рисковать.

Отказать же покровителю, которому вдобавок и клятва была принесена, он не мог. Но попытался выкрутиться.

Вот и пришел всему конец... рыжий такой песец. Чтоб ему хвост по чешуйке ощипали, гаду последнему!

Нет, я не истеричка и все прекрасно понимаю. В моем положении Иней – наилучший вариант. Но кидаться на шею со слезами счастья почему-то совсем не хочется, а хочется сделать вышеперечисленное... Зафиксировать хвост и щипать-щипать-щипать! А потом сбежать в человеческие земли и толкнуть это дело на черном рынке! Озолочусь!

Чешуя нага, особенно та, которая снята с живого змея, а не сброшена после линьки, стоит немалых денег.

И почему конкретно этого понесло в парфюмерию, а?! И в деловую сторону... Нет чтобы геройствовать на границах (и сдохнуть, к моей радости) или корпеть в башнях чародейства над каким-нибудь ценнейшим экстрактом! Так нет... он тут! Живой, здоровый и, судя по претензиям на мое тельце, весьма активный.

Чтоб ты колбочки в лаборатории перепутал, скотина чешуйчатая.

Да, я непоследовательна.

Но он меня полгода обманывал, имею полное моральное право злиться и истерить. Кстати, реально имею. Сила проснулась, и я нестабильна.

Именно в этом и состоит суть Закона. После... дефлорации гормональный фон успокаивается, и я уже не пойду вразнос. Дефлорация... Тьфу, даже мысленно произносить противно!

– Что ты хочешь? – резко спросил рыжий наг, подаваясь вперед.

– Честности, – неожиданно правдиво ответила я, вздрогнув от пронзительного синего взгляда моего... противника. Не знаю, кем он воспринимает меня, скорее всего – лишь досадной помехой, смутившей его холодный разум, но мне он больше не друг. Хотя я слишком поторопилась присвоить ему этот статус. По сути, что между нами было? Прогулки, разговоры, подарки... И это очень много, демоны его побери!

Каждого его прихода я ждала с замиранием сердца, всеми силами старалась особо не мечтать, потому что лорды на полукровках не женятся. Да я почти влюбилась! А в итоге это все оказалось фальшью. Обманом, имеющим исключительно прозаичную цель! Тупо захотел поиметь! Создатель, как же обидно и больно.

Что самое противное, таки поимеет! И все, что я могу сделать, – это расслабиться и получить удовольствие! Отвратительная ситуация, однако...

– Лали, может, ты уже ответишь? – донесся до меня голос предмета невеселых раздумий, и я поморщилась. Ну вот... так распереживалась, что даже из реальности выпала.

– Честности... – задумчиво повторила я. – Ты получаешь то, что хотел, а потому прекрати себя вести, как...

Закончить мне не позволило воспитание, но Инею это же воспитание вполне позволило уточнить:

– Как?

– Я это тебе скажу, – мрачно посмотрела я на снисходительно ухмыляющегося

парфюмера. – Потом, – и совсем уж угрюмо добавила: – Если захочешь.

– Лалидари, – внезапно холодно и жестко начал Иней. Настолько, что я даже вздрогнула, удивленно посмотрев на нага. – Прекрати вести себя как малолетняя хамка. Меня это уже не забавляет. Твои попытки показать зубки в фигуральном смысле откровенно смешны, и советую, как твой бывший друг советую, придержать их в плане физическом. Мне надоело изображать того, кем я не являюсь, потому... будь аккуратнее. Ты меня не знаешь.

Меня словно заморозили. Как будто в ледяную воду окунули... Я все еще не привыкла, что он такой, что он чужой, чуждый.

Со стороны отца послышался тяжелый вздох и предложение:

– Лали, милая, сообщи маме... о грядущем мероприятии. Времени не так много, нужно все подготовить.

– Хорошо, – почти шепотом сказала я и, поднявшись, не оглядываясь вышла из кабинета.

Я быстро шла по коридору и то и дело прикусывала нижнюю губу, чтобы болью привести себя в чувство и позорно не разреветься. Осознание накатывало волнами. Мне было очень страшно. Притом... по всем фронтам. Мне было жутко представить себя с нагом. *Как?! Иней...* он же массивный! Я ему в этой ипостаси только до груди достаю! Это еще при том, что для нашего народа он считается малость мелковатым. Такой очень даже средненький, изящный наг. Может, потому и характер отвратительный? Сложное детство, тяжелая юность.

Инейран Дальварис... Младший лорд дома Топазовой Крови, признанный бастард. Притом признанный уже во взрослом возрасте. И есть подозрение, что это была сделка. Топазы – они не богатые. А Иней умудрился сделать состояние и шел в гору, но... был незаконным сыном леди Милены Дальварис (ныне – Милены Таригар). Так что рыжий скорее добрачный ребенок. Из-за этого статуса для него как для дельца были закрыты многие двери. У среднего класса тоже есть множество возможностей, и мужчина там развернулся по полной программе, но все равно стремился в элиту. Уж не знаю, по какой причине, кроме финансовых перспектив.

Так что, судя по некоторым слухам, Иней просто подкупил главу Топазов, своего деда. Тот признал его членом клана, своим внуком, и, как следствие, наг получил титул младшего лорда. Младшие могут претендовать на артефакт рода только в том случае, если у главы больше нет наследников. А у верховного Топаза – четверо сыновей. Наверное, потому и приняли Инейрана, ведь стать главой ему точно не светит.

А так... Топазам – деньги, Инею – статус.

Все довольны.

Кстати, еще один вопрос к моим мозгам... Где они были раньше?! Я все это знала, и в начале нашего знакомства шарахалась от нага, как монашка от демона, вполне справедливо полагая: тут что-то нечисто. Иней же ловил меня долго... и поймал на интересе. Мне тоже очень нравились запахи. Просто безумно.

Собственно, вот и источник всех бед. Интерес.

Я остановилась около окна и скользнула пальцами по гладко отполированному дереву, покрытому лаком. За окном царило лето, легкий ветерок приносил ароматы цветов, зелени и дождя. Ночью была гроза.

И все же, может, древние были правы и к знакам стоит прислушиваться?!

Кажется, такие знаки, какие посылались мне раньше, предвещали глобальные перемены, по мифологии дикарей, вымерших в какой-то там период (не помню какой, да простит меня учитель истории!).

В первый раз мы с рыжим встретились случайно... Я на него с дерева свалилась! Спала я там, в виде змейки. Обвилась вокруг ветки персикового дерева и спала. А отец с Инеем свои дела в тот раз почему-то обсуждали в процессе прогулки и почему-то для отдыха выбрали лавку именно под моим деревцем! И я честно пыталась уползти, потому как считаю, что подслушивать, даже не намеренно, – последнее дело. А если это разговор двух деловых партнеров, то и вредное дело. Далеко не уползла. Свалилась на рыжего и с перепугу превратилась в девушку. Я смотрела на него круглыми испуганными глазами, а он на меня – безмерно удивленными.

После были визг и паника, так как змейка, разумеется, какой-либо одежкой похвастаться не могла, и дева из меня получилась не более приличная в этом плане.

С колен рыжего к себе меня перетащил отец, стянул свою тунику и отправил за дерево одеваться. Когда я вышла, сухо представил нас и поскорее спровадил домой, взглядом пообещав серьезную головомойку.

Головомойка была. В основном на тему того, что нужно контролировать смену ипостаси и не дело, чтобы меня из равновесия выводила такая мелочь. По поводу висения на ветвях, слава богам, ничего особо сказано не было, ибо папа понимал, что сад, так сказать, предмет общественного пользования.

Вот с тех пор Иней и начал появляться у нас дома.

Но зачем?! Он говорил про запах... Неужели из-за полового созревания мой запах изменился и стал притягательным? Но почему тогда это началось полгода назад, если сила проснулась лишь в прошлом месяце, и тогда я обрела какое-то подобие срединной ипостаси?

Я остановилась, схватившись рукой за стенку, обтянутую тканевыми обоями янтарного цвета.

Парфюмер. Он парфюмер. Он чует запахи лучше кого бы то ни было и из-за этого, как правило, носит специальные фильтры, чтобы не сходить с ума от обилия ароматов. Я на него упала... змеечка из меня не особо мелкая и легкая. Свалилась сначала на голову, потом сползла на плечи и от испуга немного придушила, «ласково» сжав шею рыжего. Потом ослабила кольца, а он меня от себя отодрал и зафиксировал мою голову, чтобы не цапнула. Испугана я была очень сильно, а значит, вполне могла это сделать.

А потом смена ипостаси...

Что если в тот краткий период от удара и борьбы что-то случилось с его фильтрами? Сместились немного или сжались? Биотехнологии очень хрупкие.

Примем версию как рабочую. Но почему он ничего не предпринял потом?! Если понял, что на запах у него не совсем адекватная реакция! Ничего не понимаю...

Пока размышляла, поднялась на третий этаж и теперь стояла у дверей в покои леди Гаррини, моей приемной матери. Хотя, конечно, отношения у нас были скорее равно-дружеские, без налета родственных чувств. Все же не родная, и это сказывается.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь, неслышно скользнув в просторную светлую гостиную.

Гани сидела на маленьком диванчике, вольготно расположив на нем кольца светло-бежевого хвоста. В руках у наги были небольшие пальцы, и тонкие пальчики, удерживающие иголку, порхали над тканью, расцвечивая ее яркими нитями узора. Солнце играло в пшеничных волосах мамы, окутывающих ее голову пушистым облаком, отражалось в золоте украшений. Сегодня лишь браслеты, серьги и кулон, все средненького размера, ничего броского и лишнего. Даже без самоцветов. Утро!

— Здравствуй, Лали, — не поднимая головы от работы, произнесла нага.

— Мама, — тихо пробормотала я, нервно стискивая пальцы, чтобы взять себя в руки и не заплакать.

Она тут же подняла на меня яркие зеленые глаза и нахмурилась, пристально осматривая.

— Иди сюда. — Гаррини положила вышивку на низкий столик и, спустив кольца хвоста на пол, хлопнула по диванчику рядом с собой. — Что случилось, малышка?

— Закон, — всхлипнула я. — Закон о чистоте крови.

— И что? — недоуменно взглянула на меня она. — Ты знала, чем грозит пробуждение силы.

Я немного не понимаю твоей бурной реакции. – Потом она притянула меня к себе, ласково поцеловала в висок и сказала: – Все будет хорошо. Обязательно. Мы что-нибудь придумаем.

– Что же? – Я скривила губы и беспомощно развела руками. – Я думала... что полукровок это не касается! Ведь не зря же Закон о *чистоте* крови. Я же изначально грязнокровка, если можно так выразиться.

– А ты не выражайся, – поморщилась Гани, с легким осуждением глядя на меня. – Во-первых, это звучит по-плебейски, а во-вторых, этим ты оскорбляешь память своих настоящих родителей. Потому, милая, будь сдержаннее, ты все же аристократка.

Не знаю, какой реакции я хотела. Вернее, знаю: я хотела хоть какой-то реакции! А не этого... равнодушия.

– Ты не понимаешь. – Я скинула мягкие домашние туфельки и с ногами забралась на подушки, обняв колени руками. – Ты не проходила этой... жути.

– Проходила, – неожиданно улыбнулась Гани.

– Как?! – опешила я. – Мам, ты же не волшебница.

– Закон о чистоте крови обязателен для магов, а остальные наги сами вправе решать, нужно ли им его выполнять, – ровно проговорила светловолосая нага, и на миг кольца ее хвоста судорожно сжались, а в глазах мелькнули нехорошие искры. – Как ты знаешь, ритуал дефлорации закрепляет доминантный ген отца, и даже если потом нага выберет существо иной расы, первым ребенком у нее будет наг. Чистокровный, с физическими и магическими признаками того... первого. Поэтому для этой процедуры и выбирают достойного. Платят ему. – Она выпрямилась и внимательно посмотрела на меня. – Мои родители, как ты знаешь, принадлежат к древнему и сильному клану.

– Знаю, – скривилась я в ответ, потому как общение с родней мамочки не приносило приятных минут никому из нашей семьи. – Клан Белого Разума. И этим все сказано. Логичные, продуманные, рассматривающие любое знакомство, случай или контакт с точки зрения выгоды.

– Именно так, – вздохнула леди Гаррини, снова потянулась к пальцам, провела рукой по нежным нитям, сложившимся в прекрасную орхидею, и продолжила: – Рождение меня... такой бесперспективной... сильно подкосило их самолюбие, потому что как на дочь, так и на возможного сына у них были большие планы. Сына так и не получилось, я оказалась первой и последней. И такой... никуда не применимой. Потому родители надеялись на внуков, и Закон казался им просто идеальным выходом. Найти сильного мага-воина, договориться, заключить контракт... и иметь потом, с большой вероятностью, сильное потомство. Как понимаешь, род претендента рассматривался в последнюю очередь, на первом месте были совсем иные признаки.

– А я-то все думала, как же папа, принадлежащий к среднему слою аристократии, умудрился получить твою руку и хвостик, – улыбнулась я. – Он и был тем, кого выбрали для ритуала?

– Верно. – Светлая рука с красивыми коготками, покрашенными золотистым лаком, поправила прическу, и Гани неожиданно хихикнула: – Когда родители поняли, что я не маг, то выслали меня в провинцию, к бабушке отца, которая, собственно, меня и воспитала. Обратно привезли только к совершеннолетию и сразу обрадовали вестью, что нашли, куда меня все же с пользой применить, и что я должна сим гордиться. Ты бы видела мою реакцию! Я, как и ты, искренне считала, что сие зверство меня не коснется.

– Тогда я сейчас не понимаю твоей реакции, – мрачно буркнула я в ответ. – Ты хотя бы

нага! Это естественно, хоть и не совсем добровольно! А я?! Ты как вообще это представляешь?! И почему, почему это нельзя сделать в... медицинском порядке?! Хотя бы мне, полукровке.

– Потому что, по непонятным причинам, в медицинских условиях от процедуры нет никакого толка, – ровно проговорила мать. – Не знаю почему. Может, нужны определенные условия, может, состав семенной жидкости немного меняется, ведь в процессе полового акта происходит очень много... реакций в организме. Самцы остро реагируют на аромат самки, стало быть, в кровь и, возможно, не только в нее выделяются разные вещества. Короче, Лали, феномен не изучен. Но факт есть факт: результат, нужный великой и могучей расе змеелюдов, получается только при непосредственном физическом контакте.

– Это не снимает главного вопроса! – разозленная такой бесчувственностью и тучей всяческих подробностей, рявкнула я. – Как это получится в моем случае?! Я по сравнению с Инеем – мелочь пузатая! Он же... повредит!

– Инейран? – вскинула светлую бровь нага. – Значит, выбрали этого рыжего снеговика... Не волнуйся! Да что он там повредит... он же мелкий!

– В смысле? – опешила я и, покраснев, шепотом спросила: – Ты что... тоже с ним?!

– Ты с ума сошла? – аж подавилась смехом от такого предположения Гаррини. – Просто он по размеру небольшой. А стало быть, в определенных местах не особо отличается от человеческого самца. То есть вы совместимы.

– Это он по сравнению с папой не очень крупный, – снова загрустила я. – А по сравнению со мной...

– Ты бы радовалась, – посоветовала мать. – По слухам, он раньше служил в отряде Тишины, то есть самоконтроль на уровне.

– Что-то я этого не заметила! Псих психом, еще и шантажист последний!

– А что странного? – вскинула бровь мама. – Если хочешь знать, то он со своей кандидатурой на Закон пришел к отцу сразу после того, как ты на него в саду свалилась. Он даже не понял, что ты не нага. Видел же ипостась девушки и змеи, подумал, что и срединная есть. Ну и решил, что, скорее всего, тебе не избежать ритуала. А тут он весь такой удобный. Но был ему облом, ведь твоя сила тогда еще не проснулась... потому и пришлось ему охмурять тебя самостоятельно.

– Так вы все знали?! – ахнула я, с обидой глядя на маму, которая непонимающе смотрела на меня, явно не осознавая, чем же я так недовольна. – Я, между прочим, думала, что он мой друг!

– А он давал такой повод? – неподдельно изумилась Гаррини и, рассмеявшись, снисходительно потрепала меня по плечу. – Милая, он вообще-то ухаживал! Подарки, прогулки, комплименты, предупредительность... я как-то считала, что до тебя и так дошло.

– Не дошло, – потеряла я лоб, мысленно аплодируя собственному идиотизму. – А на все попытки как-то поменять ситуацию я сама ставила стенку. Даже обнимать не разрешала, мне очень неуютно сразу становилось.

– Потому что несозревшая, – пожала плечами Гани. – Инейран это тоже понимал, так же, как и то, что стоит тебе уехать учиться – и все. Шансов у него уже никаких, там есть другие такие же шустрые.

– Он жениться хотел, что ли?!

– Сомнительно, – немного подумав, отозвалась Гаррини. – Не похоже. Скорее перемкнуло, вот и старался.

Стало обидно. Очень-очень.

– Значит, вы с папой были в курсе, что он собирался поиграть и бросить, и ничего мне не сказали?!

– Лалидари, – с укоризной посмотрела на меня приемная мама. – Вот представь... уехала ты учиться. Начал за тобой ухаживать парень. Ты вся такая довольная и сияющая про это рассказываешь, а моя реакция – это вопли о том, что у него несерьезные намерения, он думает только о постели, а значит, бросай эту скотину. Так?

– Ну-у-у... – протянула я.

– Ну, – передразнила Гаррини. – Зайка, если мужчина хочет от женщины только платонических отношений, то с ним точно что-то не в порядке! Любой, повторяю, любой представитель мужского пола в твоём окружении, если он оказывает тебе знаки внимания, хочет большего. Инейран же не худший в своём роде, потому я и не возражала. К тому же мне очень нравилось то, как он ухаживал и насколько был терпелив.

– Да ты бы слышала, что он в кабинете говорил! Угрожал!

– Кому? – тут же подобралась мама.

– Всем, – буркнула я в ответ. – Кире и Нарри в том числе. Что в нужный момент наши договоры с Тихими могут сорваться и что свободны будут только Яростные. Ну и так ещё, по мелочи. Деньги, деловые моменты и прочие «приятности».

– А мальчик, однако, совсем очешуел, – ровно и спокойно проговорила матушка. – До такой степени, что я сейчас вспомню о родовых особенностях и рыжей ледышке устрою как минимум одну неприятность и ощутимый укол по самолюбию вселенского размера!

– И? – Мне даже интересно стало.

– Лишу столь желанного и долгожданного приза, – пропела она. – Я все равно тебе помочь собиралась, но теперь мы это сделаем... очень красиво и болезненно для некоторых!

– А может, лучше сделаем просто и действенно? – робко предложила я, смутно понимая, что ничего хорошего от замысла наги ждать не стоит.

– Просто и действенно – это слишком слабо для такого гада, как Иней, – ухмыльнулась нага и спросила: – Когда торжественные проводы в дом этого...

– Через пять дней... – немного растерянно проговорила я, вспоминая уложения и правила Закона.

– Вот и чудненько, – расцвела Гани. Вскочив с диванчика, она скользнула к окну и в предвкушении потерла ладошки. – Пока иди... а я все подготовлю! И ритуал, и проводы!

Из покоев Гани я вышла малость обалдевшая от такого поворота событий, но с затеплившейся надеждой, что, может, все еще и обойдется.

Хотя бы безболезненно обойдется... Надо, кстати, спросить, а я в сознании должна быть при этой процедуре? Или возможны варианты?

Ладно! В любом случае главное не киснуть и с оптимизмом смотреть в будущее. И желательно в то, что подальше, потому что в ближайшем у меня ничего особо хорошего не предвидится. Чтоб эту силу! Теперь же придется идти учиться в Академию волшебства, а ведь я так хотела стать парфюмером.

Конечно, обоняние у меня не такое тонкое, как у Инейрана, но я и не стремлюсь прыгать до его высот. Мне просто нравятся запахи, я хочу научиться с ними работать. Слышала что-то о спецобучении – магические способности плюс физические склонности, но не уверена, что мне удастся попасть в такие группы. Плата там высокая, да и есть они только в Адамантовой академии, находящейся в столице Соединенного Королевства, одной из провинций которого и является наша, Змеиная.

Да, много веков назад малочисленная нация нагов, осознав, что ее просто перемелют в жерновах войны, попросилась под руку королю. Не мы одни, впрочем. Соединенное – на то и Соединенное. Всякой твари по паре. Сиды, дриады, гномы, кобольды... И даже фениксы есть где-то на востоке, по слухам – те еще твари с гипертрофированной манией величия и желанием править миром. Приступы под названием «я черный страшный властелин» проходит каждый мужчина их расы, и заканчиваются они по-разному (например, один таки стал королем... нашего же королевства). Кого-то это приводит на плаху, а кого-то – к власти. А там уже или встречают ту, которой дико не повезет (если фениксы влюбляются – это полный привет), или просто успокаиваются. Да, у кого-то гормональные буйства, а у этих пернатых – «я лучше и сильнее всех». В столице они, само собой, встречаются, как раз из-за «милых» расовых особенностей. Также крылатые гады весьма сильны и мстительны, то есть если их и бьют, то всем миром, чтобы уж наверняка.

Так что наги – это еще не самые странные представители нашего королевства.

За размышлениями на отвлеченные внутривполитические темы я спустилась вниз и вышла в сад через заднюю дверь дома.

Не знаю почему, но ноги сами понесли меня по извилистой тропинке на место знакомства. Ступала я по округлым, вросшим в землю булыжникам, сквозь мягкую подошву ощущала твердость и тепло нагретого за день камня и грустно размышляла.

Все ничего... все будет хорошо.

Надо лишь перетерпеть это время, просто думать и воспринимать все как одну из тех самых медицинских процедур, которые, кстати, тоже не всегда безболезненны.

Но это продлится до смены чешуи... то есть около двух недель! На меня опять накатила волна паники. Две недели. Две недели в лапах огромного змеелюда, который сможет делать со мной все, что душе угодно! Мамочка, как же страшно.

Не хочу... Но надо.

Иначе не удержу контроль над силой, стану эмоционально нестабильной и разнесу... хорошо если только свой дом, а не весь квартал в придачу. Это и есть основная причина, почему для волшебниц Закон – это железное правило, из которого нет исключений. Пока

этого не произойдет, я социально опасна. Подфартило с божьим даром, ничего не скажешь!

За такими мыслями я добрела до знакомой скамьи под печально знакомым персиковым деревом и опустилась на деревянную лавочку. Скорей бы уже, что ли? Ожидание – самое кошмарное, что возможно придумать. Я ж себе такого нафантазирую!

Я нервно сжала ткань платья и прикусила губу, чтобы не заскулить от безысходности. Что может сделать Гани? Ну вот, допустим, обломает она Инейрана – и что? Я все равно нуждаюсь в этой зверской процедуре! А его хотя бы знаю и, как верно указала Гаррини, он не очень крупный для нага, да еще и был в отряде Тишины. То есть вообще идеал.

Так, похоже, надо начинать принимать успокоительные, пока я совсем умом не тронулась. А сейчас вдох-выдох. Все хорошо, на меня никто не покушается, все просто замечательно. Будет. Еще дней пять.

На этой оптимистичной ноте на меня сверху свалилось что-то тяжелое и мигом обвило тело кольцами. Шипящий голос произнес:

– Сидиш-ш-шь?

О том, что за эти секунды у меня сердце почти остановилось, можно даже не упоминать. Но когда я скосила глаза на змеиную морду, которая глумливо подмигнула мне синим глазом, очень захотелось грохнуться в обморок.

В обморок не грохнулась, на помощь пришли инстинкты: я обеими руками схватилась за тот участок... назовем это шеей, около головы, и зафиксировала, чтобы змей не укусил. Да, рефлекс у нас с Инейраном одинаковые, первую встречу повторяем фактически точь-в-точь!

Что поделаешь, у нагов это доведено до автоматизма. Ядовитая змея или нет, но клыки у нас всех о-го-го, стало быть, даже если просто цапнуть, то все. Не жилец.

Синие глазищи удивленно округлились. Иней дернулся, пытаясь освободиться, и часть длинного тела, до этого все еще висевшая на ветке, упала на землю с глухим «шмяк». Ну и... остальной змей по инерции тоже свалился с лавки. В обнимку со мной, разумеется, так как и не подумал ослабить хватку колец.

– Ты ненормальный! – честно сообщила я в наглую морду, которую все еще сжимала ладонями.

По чешуе прошла дрожь, полыхнула ослепляющая вспышка, и вот я уже лежу на сильном теле нага.

– Лалиш-ш-ша, – снова прошипел Инейран, плотнее обвивая меня кольцами. Его руки ласкающее скользнули по плечам и спине, вызывая странную, незнакомую дрожь, а потом змей «невинно» осведомился: – О чем задумалас-с-сь, илу?

– О том, что у тебя, как обычно, нет ни капли такта и вежливости!

Стоп. Илу... Илу!

Илу – илудар. Такой статус присваивается тем, кто подписал договор. Закон о чистоте крови вступил в силу.

Это обращение выбило у меня из-под ног почву надежнее чего-либо и окончательно лишило меня... чего? Надежды не было изначально. Наверное, ее иллюзорного остатка, едва затеплившейся искорки. Я просто отворачивалась от реальности, не желая ее признавать.

Судя по всему, синеглазый змей прекрасно все понял, потому что плавно сел и даже освободил меня от своей хватки, впрочем тут же подхватив на руки.

– Отпустите, – попросила я, не поднимая на него взгляд. – Заберете меня через пять дней, а сейчас прошу прощения, Инейран Дальварис, но я не желаю вас видеть.

– Глупая Лали, – спокойно ответил мужчина и сел обратно на лавку, по-прежнему не

отпуская меня.

Я брыкнулась, попытавшись хотя бы сесть рядом, но, разумеется, мне это не позволили. А после сказанной Инеем фразы я замерла и уже никуда не пыталась сбежать.

– Ты прекрасно знаешь, что пять дней – это лишь обычай, более того, этот срок дается лишь с согласия илудара. А я могу и передумать, маленькая... Ты уверена, что хочешь торопить события?

Меня словно парализовало. Сидела как мышь и даже моргать старалась пореже. Что же делать? Богиня, что же мне делать?!

Я не знаю, как себя вести, я не знаю, о чем говорить. Все, чего я хочу, – это... перестать быть собой. Ведь с другой девушкой такого бы не произошло. Например, с обычной человечкой где-нибудь на просторах нашей страны.

Мне нужно просто пережить это, пройти, миновать и стереть из памяти, как страшный сон. Я ничего не могу изменить, я в силах только смириться... отдалиться *его* воле. В его руки. Он возьмет то, что хочет, и все вновь вернется на круги своя. Хотя кого я обманываю?

– Лалидари, – как-то очень устало сказал Инейран. – Прекрати, пожалуйста, изображать истукана. Нам нужно поговорить, и ты прекрасно это знаешь.

– Знаю, – медленно кивнула я, прикусывая внутреннюю сторону губы. – Говорить не о чем, до того как я не сменю шкурку, я в вашей власти, дан-иолит Дальварис. Все, что мне положено, – это подчиняться. Не усложняйте жизнь.

– Ты невыносима, – честно сообщил наг и осторожно, чтобы не повредить нежную кожу когтями, обхватил мой подбородок, заставив меня посмотреть на своего илудара. – Как раз об этом я и сам хотел просить тебя, змейка. Не усложняй в общем-то простую ситуацию.

– И что ты видишь простым? – вскинула бровь я и, не удержавшись, резко дернула головой, вырываясь из его хватки. – Я не желала бы... ощущать тебя дольше необходимого.

– И правда, очень молодая и глупенькая девочка. – Голос мужчины даже не дрогнул, интонации не поменялись, оставаясь все теми же спокойными и доброжелательными, с нотками заботы и участия. Но глаза нехорошо сузились, а кожа немного побледнела.

– А что ты хотел? – передернула я плечами. Ну вот никак, никак не выходило взять себя в руки! Получится или напускная бравада, или слезы и истерика. А я девочка старой закалки, воспитанная Гаррини. Я плачу только наедине с собой.

– Я хотел, чтобы ты успокоилась, перестала выпускать иголки и пытаться меня уколоть. У тебя это получается, а это в нашем случае не совсем хорошо.

– Опять угрозы, – покачала я головой и решительно посмотрела ему в глаза. – В этом весь ты, как оказалось. У меня сегодня сплошные сюрпризы! Или что, в тебе проснулась совесть и ты передумал убивать всех возможных претендентов на звание исполнителя? Или не потопил бы дело отца и не отдал сестер воинам Ярости?!

С каждой фразой, с каждым воспоминанием о его речах, о таком холодном и уверенном тоне, я злилась все больше и больше, и последние слова почти прошипела ему в лицо, находясь уже очень-очень близко.

Он как замороженный смотрел на мои губы, дышал все тяжелее и тяжелее. Я несколько секунд пыталась понять, что происходит, а когда осознала, то с тихим пискотом отшатнулась. Попыталась, вернее. Большая ладонь вдруг запуталась у меня в волосах, не позволяя отстраниться, а горячий рот прижался к уголку моего в нежном, почти неосязаемом поцелуе, смешанном со стоном, сложившимся в мое имя.

– Лали, наваждение мое.

Ой-ё...

– И давно это у тебя? – с опаской осведомилась я.

– Что? – непонимающе глядя на меня, переспросил Иней.

– Ну... Проблемы с психикой, – радостно пояснила я.

М-да... Судя по ошеломленно округлившимся глазам напротив, я сказала немного не то. Или не так. Или не тогда... Момент испортила?

Все же какие у него потрясающие глаза. Синие-синие, в окантовке длинных темно-медных ресниц, немного хищные, что еще больше подчеркивают убранные назад волосы. Инейран никогда не носит их иначе по одной простой причине.

Когда наши отношения сдвинулись с мертвой точки и я перестала от него шарахаться, то спросила, почему он вечно... «застегнут на все пуговицы». Это просматривалось во всем: от строгости в одежде до классических причесок. (В моду в последнее время входили то хвосты, то распущенные волосы, то какие-то странные конструкции на голове, даже у мужчин. Но Иней почему-то моде не следовал.)

Иней же раскрыл страшную тайну. Кажется, именно тогда я впервые подпустила его на расстояние ближе вытянутой руки. Очень уж любопытно было. Оказалось, что волосы у него волнистые, и с любой другой прической он смотрится несерьезно!

Недостаточно страшная тайна. Я была разочарована! Хотя да, с такой прической он... хищный, кошмарный и о-о-очень серьезный. Жуть.

– Лалидари, я хочу тебя просить о маленьком одолжении, которое не потребует от тебя никаких усилий, – с некоторым нажимом, но все так же невозмутимо проговорил Дальварис.

– Глазки закрыть, ножки раздвинуть и представить, что я у женского врача? – наивно поинтересовалась я в ответ. – Боюсь, ты несколько... не понимаешь, каких огромных усилий это от меня потребует! Разве что сразу снотворное в комплекте с обезболивающим принять! И я вся твоя!

Глядя в засверкавшие голубым огнем глаза, я поняла, что опять сказала что-то неправильно, и предложила то, что казалось мне в этой ситуации наиболее естественным:

– А можно я пойду?

– Лалидари, еще слово – и ты поедешь! Сию минуту, ко мне домой, и уже сегодня вечером мы таки пообщаемся, и ты будешь непосредственно знать предмет обсуждения! Хоть трястись и говорить гадости перестанешь! – рявкнул наг, подаваясь вперед и коротко целуя, сминая мои губы, с силой прикусывая нижнюю, оставляя во рту легкий привкус мяты и... моей крови. Когда он отстранился, я сидела перепуганная, замершая и готовая к какому угодно диалогу. Лишь бы словесному.

Как-то я не думала... что это может вот так сразу начаться.

– Сам дурак, – отвернулась я от него и внезапно выпалила: – Зачем нужно было так действовать? Вот зачем? Или что, все это время, все полгода, ты воспринимал меня только как куклу, которая приятно пахнет, красиво выглядит, и в этом все ее достоинства?! Почему, скажи, почему ты стал так себя вести?! Мы оба понимаем, что мне не миновать Закона. Да если бы ты сам пришел, *ко мне* пришел и все объяснил, то я первая бы тебе на шею кинулась! Просто потому что ты мой друг, я тебя не боюсь, и лучше ты, надежный и почти родной, чем какой-то незнакомец. Но нет! Ты стал шантажировать отца! Иней, *как* ты мог пригрозить, что с сестрами поступят... по-зверски. Ты бывший Тихий, ты в курсе, что из себя представляют Яростные! И ты знаешь моих сестричек... Как ты мог?! – Я рванулась из его рук, не в силах находиться так близко и чувствовать его запах, который раньше казался таким манящим и

притягательным. Он меня не пустил, только еще теснее сжал кольца вокруг моих ног, и мне оставалось лишь отвернуться и тихим, срывающимся шепотом продолжить: – Знаешь, я бы, наверное, все тебе простила. Обман, то, что ты, говоря со мной, и правда видел лишь тело. И отец... мы бы не пропали, даже если бы ты и перекрыл тот финансовый поток. Но сестры! Ты был готов отдать на растерзание двух девочек! Я видела, я знаю, какими возвращаются после Яростных!

У меня закончились слова, воздух и эмоции, и я спокойно завершила длинный монолог, ощущая себя опустошенной:

– У меня все.

– Лалиш-ш-ша, – раздался прерывистый выдох рыжего. – Да, я был неправ, слишком резок и...

– И не подумал, что я могу все это услышать и узнать, верно? – вместо Инейрана закончила я.

– И это тоже, – спокойно кивнул мужчина, а я лишь зло поджала губы, внутренне начиная снова злиться, но уже на себя.

Мне хотелось, чтобы он сказал что-то иное. Успокоил. Обманул? Какие же мы, женщины... Сладкая ложь (та, что мы хотим слышать) много приятнее любой правды. И мы не стремимся знать эту правду.

– Послушай меня, – продолжил медный змей ровным, уверенным тоном. – Все складывается замечательно. Ты сама сказала, что кандидатуры лучше меня не придумать. Потому успокойся, перестань бузить, истерить – и все будет хорошо. Я буду ласковым и нежным. – Внезапно его дыхание прошлось по открытой шее, и прохладные губы прижались к моему уху, тут же немного прикусив мочку, отчего я дернулась. И не навернулась только потому, что меня все еще держали хвостом.

– Прекрати!

Почему я себя чувствую как мышь перед удавом? Он же мне нравился, почему сейчас так? Просто тело не проснулось? Но... странно.

– Лали, Лали... – Хватка нага стала заметно слабее, и я, поняв, что меня отпускают, тут же соскользнула на землю и отскочила подальше, с опаской глядя на массивного для меня полуобнаженного рыжего. Или вообще обнаженного? Кроме чешуи на нем вообще ничего не было.

А ведь реально такое считается обнаженкой, а вот это место на бедрах, где чешуя более мягкая и нежная, вообще всегда прикрывают.

Как нам объясняли на анатомии, у мужчин там какая-то штука... которая в каком-то кармашке... в каком, я так и не поняла.

– А где кармашки? – недолго думая спросила я, для наглядности ткнув в сторону нага пальцем. – Нам рассказывали, но я так ничего и не поняла.

– Деточка, – каким-то очень хриплым голосом начал наг. – Если ты собралась делать ноги, испуганная моя, то делай! А то я не только расскажу, но и покажу, на несколько дней раньше!

– Ой, – тут же опомнилась я и виновато посмотрела на него. – Прости мои манеры, я не хотела тебя смущать.

На меня посмотрели как на полную идиотку. Подсознание, которое, видать, умнее основной части разума, было с Инеем согласно. Наверное, оно просто откуда-то больше знало... или быстрее соображало, потому что спустя секундочку и до меня доехала истина о

содержимом блондинистой головушки.

– Кыш, – беззлобно рыкнул Инейран, и меня, само собой, сдуло в сторону дома.

Остаток дня я провела в слезах, так как снова пришло осознание кошмарности моей участи. А для всех домашних началась суматоха. Во-первых, готовились к торжественной передаче бедной девы на заклятие, а во-вторых, сразу собирали все и для моего отъезда в столицу на учебу. Но я бы, наверное, внесла в путевые заметки еще и пункт «целитель душ». Наверняка посещение целителя будет не лишним, после такого-то морального потрясения.

Нагнетало обстановку и мою жалость к себе то, что меня жалели *вообще все*! Вот все! К примеру, проходила я мимо кухни, так меня туда затащила наша обычно такая злобная повариха и со слезами на глазах начала кормить своими лучшими пирожными, которые обычно только на большие праздники делает. Там же находились горничные, смотревшие на меня с сочувствием и уверявшие, что я хоть и мелкая, но сильная. Не помру!

Пирожным я подавилась. Сбежала с кухни, пришла к себе, но почти сразу приползли сестрички. Полчаса рыдали так, что уже я их утешала. Получилось не очень. Они меня не похоронили, конечно, но заверили, что уже ищут лучшие клиники для реабилитации. Стало совсем плохо и очень-очень себя жалко.

Стоит ли говорить, что я сделала, когда визитерши удалились? Пошла и ограбила погреб. Напиться, правда, не успела, меня в обнимку с бутылкой вынес из подвалов папа.

Он принес меня в комнату, посмотрел грустно-грустно сначала на меня, потом на вино и сказал пить не более двух бокалов, а то утром совсем плохо будет. Притащил кружку для себя и открыл бутылку.

Ну да, одной пить совсем плохо.

Спустя часик приползла мама, показала мне кулак, дала папе подзатыльник и приказала перестать заниматься ерундой.

– У меня есть идея, – поведала Гаррини, притягивая к себе недопитую кружку папы. Заглянула в нее и одобрительно кивнула. – «Кровь янтаря»!

– Какая идея? – взглянул на нее папа, продолжая прижимать меня к себе и поглаживать по голове. Я была очень уставшая, ослабевшая от слез и икающая от непривычного, хоть и очень дорогого алкоголя.

– Проклятый! – радостно выдала Гани.

– Да ты с ума сошла! – тут же откликнулся папа.

Мама покачала головой, долила папе в кружку еще «Янтаря», потом спихнула меня на стоящее рядом кресло и, прижавшись к мужу, вручила ему вино, одновременно заглядывая в глаза.

– Милый... но мы не можем отдать Лалидари!

– Дорогая, уж лучше Инее, чем то, что ты предлагаешь, – отрезал наг, но кружку взял и отпил. – В нем я хотя бы отчасти уверен... да и с врачами и магами-целителями уже договорился!

Я икнула, потрясенно глядя на батюшку.

– А может, девочка сама выберет? – уже почти мурлыкала нага, прижимаясь к мужскому торсу, обвивая своим хвостом хвост мужа и поглаживая ладошкой мощную грудь. – Да и не думаю, чтобы Земляна загадала Ляльке что-то совсем уж невыполнимое.

Земляна?! Это же человеческая богиня-покровительница. Ну да, я наполовину человек, но эта капризная дама и к жрецам своим не всегда выходит!

– А может, вы сначала мне скажете, и я и правда выберу? – все же не утерпела я. – И кто такой проклятый?

– Есть древний ритуал, – заплетающимся языком начал отец. – Обращение к богине. По сути, просьба, чтобы она взяла тебя на службу, дала задание. За это полагаются определенные бонусы. Если Земляна согласится, то заодно приведет в норму твой магический баланс и женские гормоны, и ты не будешь нуждаться в прохождении дефлорации.

– И ты молчал?!

– Да потому что дозваться ее могут не все! – рявкнул в ответ папа, недовольно глядя на Гани. Но его взгляд тут же потеплел, стоило ему заглянуть в бездонные зеленые глаза своей супруги. Надо заметить, что коварная маменька сейчас являла собой прелестное зрелище. Ласковая, милая, пушистые волосы искрятся в свете магических светлячков, в глазах – кротость и нежность. Пальчики то игриво теребят завязки туники, то поглаживают гладкую кожу мужской груди.

И томный, чувственный шепот на ухо нага:

– А пошли его... разбудим?

– Я его для другого случая берег. – Папик все еще не мог оторваться от колдовских глаз светленькой наги, руками скользил по ее спине, прижимал все ближе к себе, перебирал короткие кудрявые волосы. – Да и за Лали боюсь.

– Но у тебя же есть браслет.

– Есть, – вздохнул папа и встряхнул головой, сбрасывая с себя оцепенение, а потом укоризненно посмотрел на жену. – Ну и зачем надо было так действовать?!

– Ну-у-у, – потупилась она.

– Идем, – махнул рукой он и, посмотрев на меня, сказал через часик зайти к нему в кабинет.

Родители вышли из моей комнаты, оставляя меня наедине с бутылкой, лишь мама в дверях задержалась, шкодливо подмигнула и выдала:

– Учись!

Чему надо учиться, я так и не успела уточнить...

Нет, ну правда, а вдруг это важно? Но чему именно? Точным наукам, магии или чему-то специфическому? Ничего не поняла... Или это она про психологию, наверное! Про то, как с отцом управилась. Но мне не на ком практиковаться...

Может, это совет на будущее?

В это же время. Столица Соединенного Королевства

В полутемном кабинете, обставленном в старинном стиле, за столом сидел молодой мужчина и задумчиво рассматривал какой-то документ.

– Однако, – хмыкнул он и кинул бумагу на столешницу из темного дерева. – Становится все однообразнее и однообразнее! Даже доносы писать разучились!

Солнечный луч, пробившийся сквозь задернутые шторы, запутался в коротких волосах, высекая из них зеленую искру, и потерялся в черных, как южная ночь, глазах.

Феникс откинулся на спинку кожаного кресла и, возведя глаза к потолку, в очередной раз пожаловался на тяжкое житье-бытье.

– Измельчали придворные! Ябедничать только и умеют! А что такое доносы?! Доносы –

это информация, подкрепленная часто фальсифицированными, но очень достоверно выглядящими доказательствами! – Он снова взял листок с чем-то не угодившей ему петицией и потряс им в воздухе. – А это что за песнь униженных и оскорбленных?! А заговоры?! Заговоров толковых не было уже лет пять! И то последний я сам и организовал!

Феникс запустил тонкие музыкальные пальцы в короткие волосы и снова вздохнул. Ему было скучно. Ему было отчаянно скучно, невзирая на то, что дел невпроворот. Но это все... быт, скажем так.

Хотя быт конкретно этого типа многим показался бы весьма... занимательным и активным.

Фениксы бывают разные. Да-да, черные, белые, красные и даже зеленые.

У кого-то мания – стремиться к общему признанию толпы вроде «я черный и страшный властелин», а некоторым... просто приятно знать, что самый могущественный и страшный тут именно он. И то, что об этом известно лишь узкому кругу лиц, в общем-то не важно.

– И зачем я тогда не продался оппозиции? – с тоской спросил мужчина у безмолвного потолка, который, как обычно, был отличным собеседником. Слушал и никому не рассказывал. – Хоть что-то интересное бы в жизни появилось! Так нет... Я их сам отловил и казнил... Идиот.

Настенные часы с маятником отсчитывали время, едва заметно сверкая медью и деревом... Ничего не происходило. И так – за годом год.

– Может, власть свергнуть? – задался новым вопросом крылатый. – Нет... трудов жалко. М-да, поторопился я тогда с Нурикешем, явно поторопился. Он, конечно, дурак эмоциональный был, но хоть конкуренцию составить мог. Собственно, потому и убрал я его, да.

Прерывая размышления этого своеобразного государственного деятеля, раздался стук в дверь, и тихий девичий голос известил о том, что доставлены бумаги из департамента госбезопасности.

– Неси, – кивнул зеленовласый уникум и, порывшись в ящике стола, нацепил очки и прибавил яркости настольной лампе.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась молодая невозмутимая сида. Темноволосая красавица с голубой кожей, чуть слышно цокая каблучками, прошла в комнату и, положив кожаную папку на стол, направилась к выходу, но ее почти сразу догнал голос начальства:

– Кофе сделай.

Сида развернулась, с почтением поклонилась и сказала:

– Вам нельзя. По вашему же повелению, заверенному нотариусом, вы, утверждая, что находитесь в здравом уме и твердой памяти, повелеваете мне не выполнять такое распоряжение. Потому простите, но кофе я вам принесу только если получу официальную бумагу – опровержение.

– А что, не похоже, что я и сейчас в здравом уме и твердой памяти?! – возмутился феникс и даже очки сдернул от негодования.

– У меня нет тому медицинского и юридического подтверждения, – нейтрально ответила девушка. – Я сделаю вам чай.

Мужчина мрачно посмотрел на закрывшуюся за сидой дверь и констатировал:

– Дожил! – потом еще немного поразмышлял и добавил: – Жениться, что ли? Раз так все плохо и скучно... – но почти сразу передернул плечами и решил: – Нет, плохо, конечно, но не настолько! Вот какие интересные документки из департамента пришли.

Но изучить занимательную информацию феникс не успел, потому что сначала зашипел от боли, а потом, взглядевшись в искрящиеся алым огнем глубины драгоценного камня на одном из перстней, торжествующе рассмеялся:

– Да неужели! Таки вытащили его?! Вот и замечательно!

Змеиная провинция. Дом Лалидари

Указанный час я металась по своей комнате, нервно кусая ногти и перебирая свои книги. Земляна... про нее я нашла прискорбно мало! А уж про ее задания – так и вовсе какие-то короткие упоминания. Еще была фраза, что явится она самым достойнейшим... или тем, кто хуже не придумаешь, но вдруг решил встать на путь истинный. Если к первым я себя не могла отнести из врожденной скромности, то ко вторым – исходя из здравомыслия. Да-да, иногда оно, пробегом и жутко спеша, но все же появлялось у меня в голове.

Возникает закономерный вопрос... а кто такой проклятый? За что проклятый? И чем он в данной ситуации поможет? И захочет ли помогать? Судя по словам отца – нет, не захочет.

Сплошные «почему» и ни одного «потому».

За час я успела посидеть на подоконнике, разглядывая Нар, главный город нашей Змеиной провинции, потом полежать на кровати, изучая потолочную роспись, на которой неведомый мастер решил запечатлеть не кого-нибудь, а фениксов в крылатой ипостаси.

Фениксов было два, дерево – одно, а морды у пернатых – крайне недовольные, как ни старался художник изобразить томные взгляды, видимо пытаясь намекнуть зрителю, что это пара, которая вот-вот решит создать общее гнездо. Но то ли их посадили на дерево не в брачный период, то ли это были вообще два самца, но даже нарисованные крылатые твари выглядели злыми и противными, несмотря на то, что внешне были невероятно красивы.

Один – с роскошным красно-огненным оперением, а другой – с багрово-черным. Видать, второй и был призван изображать самца... Красный был явно не в восторге от своей роли самки. Интересно, почему я твердо решила, что это оба – мужчины? Еще в детстве, после того как мне показали эту комнату, так решила.

Пока я размышляла о пернатых, часы пробили семь. Я почти скатилась с постели и, накинув теплую шаль, так как стало прохладно, рванула из комнаты. Коридоры не пугали меня своей темнотой: я прекрасно знала дом и могла найти дорогу даже с закрытыми глазами. Под ногами мягко пружинила ковровая дорожка, щекоча ступни своим ворсом. Что-то я не подумала... Шаль взяла, а сама-то выскочила лишь в широких штанах, тунике и тонких носочках. Ладно... папу ограблю, если что. Хотя в его тапках тем же брауни можно море переплывать. Маленькие они, эти брауни, не больше моего пальца. Но тяжеленькие... Так что с плаванием я, пожалуй, погорячилась. Брауни прибирались у нас дома, это были незаменимые слуги. Из-за веса и магии они могли становиться гораздо больше.

И вот она... дверь в кабинет отца! Я с замиранием сердца ее отворила, приготовившись увидеть невероятное. Ну а как же иначе? С такими-то тайнами вокруг!

Дверь меня разочаровала первой. Противно заскрипела, начисто разрушая волшебство момента. Вторым разочарованием было то, что папа ругался. И даже не на меня. И не на маму.

Папа ругался с попугаем. Попугай отвечал ему презрительным взглядом и ледяным молчанием.

– Это приказ! – провозгласил наг и сложил руки на груди.

Мама только покачала головой и вздохнула.

Попугай же, кстати, сидевший на спинке отцовского кресла, ответил нагу полным превосходства взглядом и неторопливо развернулся к нему хвостом, гордо вскинув голову с красивым хохолком.

Судя по всему, это был ответ. Папа тоже являлся мужчиной сообразительным и понял, что птиц имел в виду.

Попка был красавчик, кстати! Почти весь черный, с переливами цвета красного вина, а в хвосте, маховых и на хохолке – несколько ярко-красных перьев.

– Ой, какая прелесть, – восторженно выдохнула я и с восторгом посмотрела на папу. – Это мне?! Спасибо, спасибо, спасибо!

Попугай стремительно обернулся, смерил меня злобным взглядом, передернулся и вновь вернулся к созерцанию панорамы за окном.

– Да, тебе, – злорадно выдал отец. – Подойди, возьми браслетик.

– Подожди, – отмахнулась я и осторожно обошла стол, приближаясь к неожиданному подарку и воркуя: – Какой ты красивый, какой ты хороший...

– Дур-р-ра! – внезапно выдал попугай и отвернулся.

– Это что? – озадаченно спросила я в пространство.

– Твой диагноз! – «любезно» разъяснил мне этот пернатый суповой набор.

– Познакомься, это Кеша! – просветила Гани, солнечно улыбаясь. – И вам обоим не помешало бы найти общий язык. Кеша, тебе все ясно?

– Нет, – нагло отозвался попугай и для непонятливых уточнил: – Кеша тоже дур-р-рак! – это было сказано с такой интонацией, что почему-то не осталось сомнений: дураки тут – все присутствующие, кроме попугая.

– Да, я вижу, что вы точно поладите, – пробормотала Гани, но тут же снова разулыбалась и, глянув на пернатого, с намеком спросила: – Тебе не надоело текущее положение дел?

– А вар-р-рианты? – недовольно буркнул попугай, но темно-зеленым глазом в сторону наги косился теперь с явным интересом.

– Земляна, – невинно ответила Гаррини и поспешно добавила: – На твой призыв она должна прийти.

– Чтобы окончательно меня укокошить? – скептически склонил голову набок птиц. – Нет, спасибо, мне и так не очень хорошо живется!

– Обратно в анабиоз, что ли? – задумчиво так спросил папа в пустоту, и Кеша недовольно на него посмотрел.

– Зачем же сразу такие кр-р-райности? – потом взмахнул неожиданно большими крыльями, взлетел со своего «насеста», метнулся к стене, около которой я стояла, зацепился когтями за раму картины и уставился на меня. – И при чем тут ваша дур-р-рочка?

– Ее воля и безопасность – цена твоей свободы, – ровно проговорил отец. – Я передаю тебя ей, вы идете к Земляне, и мне плевать, что ты сделаешь, но она должна дать вам задание. Как ты сам знаешь, слугам богини полагаются определенные бонусы. Для тебя это шанс изменить ситуацию и... отомстить.

– Интер-р-ресно, – спокойно признал попугай и, перебирая лапками, неторопливо двинулся по раме в сторону от меня.

От его когтей на дереве оставались отметины и царапины, потому папа поморщился и как бы мимоходом заметил:

– Между прочим, это белое дерево...

Кеша остановился, склонил голову, осмотрел свой насест, клюнул его, сковыривая лак, и

подтвердил:

– Ну да. Хор-р-рошо живем!

И потопал дальше. Шкряб-шкряб-шкряб.

Я невольно втянула голову в плечи. Папа у нас больной до натурального, редкого дерева.

А уж такой реликт, как белое...

Глаза отца потемнели от гнева:

– Птица драная, ты хоть знаешь, сколько это стоило?!

На эту наглость в перьях окрик не произвел никакого впечатления, разве что зеленющие глаза довольно засверкали, а потом он выдал:

– Кеша извиняется. Кеша хор-р-роший. – Оглядел присутствующих, чтобы насладиться эффектом от своего абсурдного заявления, и продолжил: – И вообще, я подор-р-роже этой деревяшки буду.

– Да я тебя за три золотых на человеческом рынке как чучело купил! – взревел наг, сжимая кулаки.

– Не напоминай мне об этом позоре! – картинно прижал лапу к клюву этот артист и, обратившись ко мне, начал: – Три золотых, пр-р-редставляешь?! Всего три! Меня продали за такие копейки!

– Ты был очень красивый и даже милый, – подала голос Гаррини и, когда попугай горделиво приосанился, завершила: – Пока и правда напоминал чучело. Молчал и не двигался.

– Я никогда не был чучелом! Я был под заклятием стазиса, и пер-р-рвое, что вы сделали, когда сняли его, это наложили снова и запр-р-рятали меня в сейф! Извер-р-рги!

– А варианты? – вздернула светлую бровь мама. – Тебе или на месте шеи сворачивать нужно было, или ждать удобного момента, чтобы использовать. Он настал. Притом, оцени, неблагоприятное пернатое, это служба, а не рабство! Выполнишь задание – и все.

– Ладно, – мотнул хохолком красавчик с отвратительным характером и перелетел на спинку одного из кресел, вцепляясь в обивку острыми когтями. Тр-р-ресь.

– Ясманский шелк! – простонала полуобморочная мама.

– Кеша хороший! – на всякий случай напомнил попугай, глядя в кровожадные глаза моих родителей. – Кеша полезный!

Решив, что пора вмешаться, я выразительно прокашлялась и сказала:

– Может, все же изложите ваш план? И что это за хам пернатый?!

– Дур-р-рочкам слова не давали! – тут же заявил летающий гад, оглядывая меня полным спеси и высокомерия взором.

– Сейчас у некоторых попугаев слов не окажется, – честно предупредила я. – И это будет каким-то образом связано с общим кислородным голоданием организма!

– С «пр-р-ридушить» у вас, похоже, наследственное!

– Это наследственное у всех, кто с тобой сталкивается! – злобно прищурившись, отозвалась я.

– Птица говорун отличается умом и сообразительностью, – вскинул черно-красную голову этот подлец и довольно посмотрел на меня.

– Пока только болтливостью и отсутствием инстинкта самосохранения!

– Как ты к себе критична...

– В твоей маленькой головенке ничего, кроме пакостности, наверное, просто не помещается? – с сочувствием спросила я.

– Детка, размер имеет значение в других местах и у других особей, – заржал попугай. – А текущий размер моего мозга никак не связан с интеллектом, дур-р-рочка.

– Хватит называть меня дурой!

– А что такого? – хмыкнул попугай. – Молоденькая, хор-р-рошенькая, а стало быть, дур-р-рочка.

– Хватит ломать комедию, – прервал этот цирк усталый голос отца. – Лали, присядь, рассказ будет долгим.

– Так как плавно перетечет в инструкции, – снова подало голос невыносимое создание, но мы его проигнорировали.

Мама полулежала на тахте, удобно устроив на ней кольца хвоста, отец сел на свое место, и мне ничего не оставалось кроме того самого кресла, обтянутого ясманским шелком, на спинке которого обретался Кеша.

– Пр-р-рисаживайся, – радушно предложил птиц, щуря глазки.

– Спасибо, – серьезно ответила я и осторожно села, внутренне ощущая себя весьма неуютно. Мало ли что этому идиоту в голову взбредет?

– Излагайте! – великодушно разрешил попугай, и я вздрогнула от его раскатистого голоса над головой. – Мы вас слушаем, правда, дур-р-рочка?

Я не повелась. Вот честно! Просто обернулась, смерила застывшего в ожидании реакции красно-черного поганца лукавым взглядом и пропела:

– Ну, конечно... попочка.

– Как там, говор-р-ришь, тебя зовут? – немедленно озадачился попугай.

– Лалидари.

– Запомним и иногда будем использовать, – кивнул Кешка и, гордо выпрямившись, обратился к моим родителям: – Ну, что молчим? Коротко, тезисами и по существу!

Отец прикрыл глаза, вспыхнувшие синим пламенем злости, и мама, с тревогой на него посмотрев, взяла слово:

– Пожалуй, я и расскажу. Моя идея, в конце концов.

Ага, не прошло и полугода с момента, как завели эту тему. Я не выдержала и покосилась на птица. Интересно, а кто он такой?

– Начнем, пожалуй, с так называемого Кешки. Лали, если ты помнишь, то несколько лет назад мы с твоим отцом уезжали в столицу на коронацию Надира Первого.

– Надир – пр-р-редатель! – донеслось из-за спины.

– Хватит нести ерунду! – не выдержала мама.

– Это не ерунда, – мрачно буркнул попугай. – Как ни прискор-р-рбно, но это факт!

Не знаю, кто как, но мне был крайне интересен совсем иной факт. Кеша знаком с королем?!

Продолжил рассказ уже отец, видимо решив дать супруге время прийти в себя. Кстати... очень странно, что мы все так реагируем на глупые подначки этой живности.

– Итак, на обратном пути мы забрели на цыганскую ярмарку и там, в куче какого-то тряпья, мама откопала это недоразумение.

– Не смей называть тряпьем бурундский атлас, – погрозила пальчиком мама. – И наше чучелко я нашла не там, а в соседней лавке старьевщика. Твой папа как его увидел, вцепился и крутил до самой Змеиной провинции, бормоча, что настолько необычного плетения заклинания он еще не видел.

Я взглянула на папу, но тот лишь с улыбкой развел руками.

И тут снова вмешался Кеша.

– Как же вы, наги, обожаете неспешные разговоры! – взъерошил перья попугай и перелетел на стол. – Если кр-р-ратко. Меня проклинали, притом условия возвращения бывшего облика заранее невыполнимые, да еще и в стихах, то есть вообще тр-р-рактуй как хочешь. Как вы знаете, проклятых всегда выпускают в мир – это одно из условий воздействия. Меня погр-р-рузили в анабиоз и подкинули в лавку стар-р-рьевщика, где я под чарами отвода глаз и простоял несколько лет, пока меня не нашла леди Гаррини.

– Имени он не сказал, рода – тоже, все, что мы знаем, – это расу. И то исключительно из-за специфического ментального воздействия, – вздохнула Гани, рассеянно проворачивая на руке массивный золотой браслет.

– Феникс, – ахнула я, удивленно разглядывая красно-черную птицу. – Притом еще маленький! Иначе бы не было ментального поля, из-за которого он и выводит нас из себя.

– Не обольщайся, – покачал головой лорд Нарийн, поднялся и, шелестя чешуей, скользнул к окну. – Ему может быть к сотне лет, а судя по интеллекту, так и есть. Фениксы слишком специфически взрослеют.

– Тогда другой вопрос, – пристально оглядела я это невероятное явление природы, которое сейчас сидело на краешке стола и чистило перышки. – Фениксы вроде красивые птички. И явно не попугай.

– Лалидар-р-ри, ты меня хорошо слушала? Пр-р-роклятие! Зафиксировали эту форму и в ней заковали. Я был иным! – Птиц взмахнул крыльями и спустя секунду оказался на подлокотнике моего кресла. Я от неожиданности шарахнулась в сторону, со смесью испуга и удивления глядя на него, ну а Кеша только обреченно закатил зеленые глаза и поведал миру: – Вот р-раньше, стоило мне внезапно сократить дистанцию, у дам была совсем иная реакция!

Язык у меня почему-то опять оказался быстрее мысли.

– Давай я тебе экскурсию по главному зверинцу города устрою? Там есть вольер с попугаями... и ты вернешь себе былую уверенность!

Меня смерили таким надменно-брезгливым взглядом, что аж неприятно стало. Желая чем-то себя занять, я нервно сцепила пальцы, а потом стала перебирать мелкие жемчужинки, которыми были расшиты широкие рукава туники.

– Вернемся к разговору, – раздался мягкий голос Гаррини. – Кеша... или как там тебя... мне не важно, что и как, не интересует, кто с тобой это сделал, но ты сам понимаешь, что если проклятие такое специфическое, то поблажки будут уместны. Если вы с Лали попадете на службу к Земляне, то она наградит. А ты нам нужен... У богов с фениксами давний уговор, они обязаны являться на ваш зов.

– Уговор-р-р есть, но у всего своя цена, – неохотно согласился этот недофеникс и спросил: – Разве тут есть храм? Не слышал...

– Не храм, – покачал головой отец. – Древнее капище под городом.

– Подходит, – кивнул Кеша. – Мои обязательства?

– Опекать Лалидари, пока в этом есть необходимость или пока она сама тебя не отпустит, – ровно проговорил отец.

– Пр-р-ринято.

– А можно спросить? – робко начала я и, поежившись под скрестившимися на мне взглядами, все же продолжила: – Я не знаю, какое задание даст богиня, но с учетом слухов о ее чувстве юмора... если это можно так назвать, исполнение Закона можно назвать малой

кровью. Плюс даже если Земляна стабилизирует гормональный фон, то вы сами знаете, что говорит основной параграф Закона. Я могу миновать его исполнение только если перестану быть волшебницей. Потому, при всем уважении, выхода я так и не вижу.

– Лали, обязательное условие Закона – невинность, – улыбнулась Гаррини и откинула упавший на глаза пшеничный завиток. – Это основа основ. Но слуги богини неприкосновенны, у них одно обязательство – выполнить задание. Во время службы Закон тебя не касается. И если за это время расстаться с девственностью, то и после тоже не коснется.

– Чудно, – потеряла бровь я. – То есть все равно, делай как хочешь, но мужика найти должна.

– Все не так плохо. – Мама плавно соскользнула с тахты, через несколько секунд оказалась возле моего кресла и, склонившись, обняла за плечи и ласково поцеловала в висок. – Да и, змейка моя, поверь, стоит тебе оказаться в кругу сверстников, так чувства мигом накроют с головой! За мужчиной дело не станет.

– А задание Земляны? Не дешевле ли, в моральном плане, будет перетерпеть... процедуру?

– А что мешает проверить? – подмигнула светленькая нага. – Если не устроит, то вернешься к Инейрану. В капище же можно сходить до того, как мы передадим тебя в его дом.

– Только к Земляне мы пойдем вдвоем, – вздохнул феникс и явно процитировал: – «От дверей родного дома до дома божьего идешь один, единым желанием службы томим». То есть идут только те, кто хочет поступить на службу, без сопровождения. Кстати, отвратные стихоплеты из храмовников...

– Мило. – Я обхватила себя руками за плечи, думая, а надо ли мне все это.

Как же странно. Если днем я мечтала только о том, чтобы мне выпал шанс что-то изменить, то сейчас, когда он есть... мне страшно. Забавно.

Получается, ждала все на блюдечке с голубой каемочкой? Лялечка, приди и воспользуйся, да смотри ножки не перетруди по дороге?

– Согласен! – воодушевленно ответил попугай, разрушая странное оцепенение. Я перевела взгляд на вздорную, лучащуюся самодовольством птицу, понимая, что сейчас он скажет очередную фееричную пакость. – Слушайте, получается, Лалидари пойдет, а я на ней поеду! У-у-ух! Раньше это на моей шее постоянно кто-то норовил въехать в светлое будущее, а теперь наоборот! Интер-р-ресно!

– На своих двоих полетишь, – мрачно отозвалась я.

– По пещерам? – скептически наклонил хохлатую башку птиц. – Да там проще на своих двоих, но на лапах. И идти мы будем до-о-олго. – Он лукаво прищурился и каким-то очень тонким голоском пропел: – Ведь ты меня не бросишь, потому что я хор-р-роший!

– Хуже тебя тварюшки не встречала, – честно ответила я доставаке.

– Ты с другими фениксами не знакома, – хмыкнул Кеша. – Мы вообще личности многогранные и со всех сторон замечательные.

– Что, без такого поведения никто не замечает? – сочувственно осведомилась я и продолжила: – Кстати, слышала, что вы в подростковом возрасте невероятно страшненькие... Наверное, оттуда все комплексы!

– А ну тихо! – рывкнул папа, и мы с попугаем, до этого поглощенные друг другом, развернулись к нему. – Что за детский сад?! Сейчас же прекратили так себя вести!

– Прости, – виновато поглядела я на родителя, впрочем понимая, что на меня нашло. Феникс! Недаром с ними рядом не особо желают находиться. Они расшатывают ментальный контроль. Нервы, проще говоря.

– Был непр-р-рав, – курлыкнул Кеша. – Внимаю далее вашей мудрости, о лорд Нарийн.

– Сверну шею.

– Внимательно вас слушаю, – тут же исправилось красно-черное бедствие.

Интересно все же, сколько ему лет? Как-то не получается вообразить его взрослым. Такое ощущение, что подросток.

– Отлично, – смерил Кешку недовольным взглядом отец и положил ладони на широкий кожаный пояс, надетый поверх туники. Нарийн любил такие добротные, немного грубоватые вещи, в которых была своеобразная прелесть. Все же боевое прошлое сказывается... кем бы ни был этот наг сейчас, раньше он являлся одним из командиров Призраков. Разведка.

Кеша, кажется, тоже заметил жест нага, осмотрел аксессуар, и, наверное, только я услышала тихое:

– Безвкусица.

Неисправим!

– Подведем итоги, – ворвался в мои размышления баритон папы. – Лали и... как тебя на самом деле зовут, недоразумение?

– Кеша, – язвительно отозвался попугай. – Можно «милорд» или «моя прелесть». Я не обижусь.

Тут уже я не выдержала, резко повернулась к пернатому провокатору и рыкнула:

– Веди себя нормально! Не мне одной это надо! И вообще, мне не нужна постоянная головная боль в твоём виде! Дешевле сразу Инейрану отдаться, он хоть мозги мне выносить не станет!

– Ну да, – согласился феникс, поблескивая зелеными глазами. – У него куда более прозаичные и приземленные... цели. – Попугай склонился к моему уху и поведал: – Кстати, цени: я один из немногих, кто видит в тебе не только тело, но и ум! Ну, правда, пока плохо видит, но у нас все впереди!

Вдох-выдох!

– Мам, а есть амулеты или что-то в этом роде, которые блокируют действие ментального поля этой крылатой пакости?

– Могу накапать успокоительного, – сочувственно посмотрела на меня Гаррини. – И с собой выдать запас... побольше.

– Не поможет, – авторитетно заявил попугай. – Проверено и протестировано!

И-и-и, все будет замечательно, Лалидари!

Вдох-выдох, ибо мысли об убийстве – это плохо!

Тем более о таком заранее бесперспективном убийстве... Не поможет все равно! Феникс ведь, чтоб эту ненормальную птичку!

– Подведем итоги, – уже поистине зловещим тоном в который раз попытался закруглить разговор Нарийн. – Лали, у тебя сутки на размышление, по истечении которых ты должна сказать, согласна ты или нет на этот план. Притом это время ты проводишь вместе с Кешей, дабы в полной мере осознать, что тебя ждет. Обставим, что птичка – наш подарок.

– Лю-у-убьят тебя родители! – опять влез летающий поганец.

Я, не оборачиваясь, показала птичке отставленный средний палец – традиционный жест орков, которым они посылали всех им не угодивших в пешее эротическое турне.

Мама и папа отвернулись и сделали вид, что не заметили. Особенно лорд Нарийн, который как раз подобного рода жестикуляцией иногда грешил. Прости, папочка, но сейчас у меня не было слов!

– Хамка! – обиженно раздалось со спинки кресла.

Я гордо проигнорировала это высказывание и обратилась к родителям:

– Согласна.

– Отлично, – кивнул наг и, скользнув к столу, достал из ящичка маленькую плоскую шкатулку. В ней было одно-единственное украшение – тонкий бронзовый браслет с кроваво-красными камнями и едва заметной насечкой, которую я увидела, только когда лорд Нарийн защелкнул вещицу на моем запястье. Линии вспыхнули огнем, это же пламя отразилось в камнях, и от моей руки в воздух потянулась тонкая сияющая красная нить. Она, змейкой извиваясь в воздухе, достигла Кеши и обвила такое же, но маленькое украшение, обхватывающее его лапу. Вновь вспышка – и все пропало, только тяжесть и тепло от браслета напоминали о случившемся.

– И вот у меня новая хозяйка, – как-то очень грустно сказал попугай.

Повисла пауза, которую нарушила Гани.

– Думаю, вы можете идти. Ужин в обычное время.

– Да, – кивнула я и поднялась. Нерешительно посмотрела на нахохлившегося феникса и, миг помедлив, все же протянула ему руку, на которую он уставился с большим удивлением. Потом посмотрел мне в глаза и осторожно перепрыгнул на запястье.

Я охнула от неожиданной тяжести и от того, как когти не больно, но все же очень чувствительно впились в кожу. Кеша тут же перелетел на плечо. Так мы и вышли.

Я чувствовала себя очень неудобно, мне даже было немного страшно. Что ощущал этот феникс с заблокированными магическими способностями, запертый в облике попугая, я не знала.

Но было интересно.

Когда мы пришли в мою комнату, я молча поднесла ладонь к плечу, и попугай понятливо на нее переступил, а потом я пересадила его на стол.

Когти тихо цокнули, наверняка царапая полировку, но меня занимало не это.

Я отступила на несколько шагов, с легкой опаской и любопытством рассматривая птицу. Он отвечал мне тем же. Я нервно сцепила пальцы, ощущая, как давит молчание. Мне сказать было нечего, Кеша тоже не разговаривал, хотя последнее, наверное, к лучшему. Но надо же с чего-то начинать...

— А ты голодный?

Пернатый склонил голову, пристально меня рассматривая, и ответил:

— Последний раз ел лет пять назад, еще в человеческом виде.

— О-го-го! — удивленно воскликнула я и, стянув с плеч лилово-голубую вязаную шаль, кинула ее на спинку кресла. — А что ты кушаешь?

Какой бы он ни был противный, но нужно как-то наводить мосты. А раз он, хоть и в перьях, но мужик, то надо для начала накормить.

— Не знаю, — фыркнул Кешка и снова нахохлился. — Не экспериментировал еще.

— Боюсь, из зерен у меня только конопляник, — расстроено проговорила я, потирая висок. — Но можно сходить на кухню и попросить горсточку чего попрличнее.

— Лалидар-р-ри, — вскинулся попугай, глядя на меня как-то ошарашенно. — Откуда у *тебя* конопляник?!

— Ну-у-у, — всерьез задумалась я, не зная, как объяснить эту сложную ситуацию. — Есть у нас с сестрами приятель Дарриг... не более умный, чем мы. Но так как он мальчик, то много где бывал, и в одном из путешествий по востоку купил семена, их там как раз в составе корма для птиц продают. Решил вырастить эту травку.

— Идиот, — хмыкнул попугай. — Конопляник с галлюциногенными свойствами вырастает только в определенной среде, и то если ее очень специфически удобряют.

— Наш дурачок не знал, — улыбнулась я и продолжила: — У него сажать было нельзя, мама садом занимается, она бы не допустила бурного произрастания непонятного бурьяна. А у нас в этом плане почти джунгли. Вот и посадили часть, а остальное у меня спрятали.

— И как конопля? — заинтересовался Кешка, сверкая зелеными глазами.

— Выросла большая-пребольшая, — развела я руками. — Но в плане курения, как потом уверял Дарриг, совершенно бесполезная.

— Детки, — рассмеялся попугай.

— Сам-то, — немного обиженно посмотрела я на Кешу и, отступив еще на шаг, примостилась на краешке стула. — Ты, я смотрю, у нас просто кладезь информации по выращиванию конопляника, оказывается!

— Я, в отличие от твоего приятеля, перед этим теорию хорошо изучил, — вскинул хохлатую голову попугай.

— А вам конопля зачем была нужна?

— Нам на продажу.

— Еще и наркодилер... — ошарашенно прошептала я.

Вот тебе и фениксы. Высокая раса, могучие умы...

— Не совсем. Она просто входила в состав одного интересного вещества, которое мы

продавали. А вообще закрыли тему, – не пожелал более распространяться о своем преступном прошлом птиц. – Лучше и правда пойдем на кухню.

– А ты летать не умеешь, что ли?

– Умею, – недовольно встряхнулся попугай. – Но я в анабиозе сколько был! Тело все еще не очень хорошо слушается, и пока я предпочел бы не рисковать.

– Просто ты когтистый, и это весьма ощутимо, особенно когда ты пытаешься сохранить равновесие, – пояснила я.

– Я буду еще аккуратнее, – серьезно пообещал попугай, нетерпеливо взмахнул крыльями и закончил сенсационным: – Кеша хор-р-роший, Кеша кр-р-расивый, Кеша полезный! Что еще надо сказать, чтобы ты меня покормила наконец?!

– Не скандаль, – нахмурилась я, но поднялась и двинулась к столу.

– Я пытаюсь, – мрачно буркнула невыносимая живность, взлетая и приземляясь на плечо. – В моих интересах.

– Пошли на кухню, чудо в перьях.

– Я знал, что ты меня оценишь!

Я сделала над собой усилие и промолчала, стремительно выходя из комнаты и направляясь к лестнице на первый этаж.

Лестница меня разочаровала еще на подходе наличием там посторонних нагов, судя по форме – из какого-то официального отдела. Наверное, курьеры за документами явились. Мелкие сошки, это видно по цветам камзолов и перевязи.

Потому я на носочках развернулась и по стеночке, по стеночке, скачками рванула в другую сторону.

– Что ты галопируешь, как призовая коза?! – шипел Кешка, стараясь совершить подвиг: удержаться на плече и не вцепиться при этом в меня сильнее когтями или, не дай бог, клювом.

– Почему коза? – озадачилась я. – Надо говорить: «рысак» или на худой конец «кобыла».

– Потому что ты скачешь как коза! С чего мне тебе льстить? – язвительно отметил этот гад. – Я честный мужчина.

– Ну да, – покивала я в ответ. – Видать, слишком честный ты у нас был, вот потому теперь и в таком виде!

– Ты меня провоцируешь! – вдруг возмутился попугай.

– Чем? – опешила я и, свернув за угол, вскинула голову, вопросительно глядя на Кешку.

– Я стараюсь вести себя примерно!

Я не нашла, что ответить. Вот честно! Разве что...

– А можно как-то заблокировать твое ментальное поле?

– Воспитывай силу воли, – посоветовал Кеша, и я поняла, что таки нельзя.

А жаль... Ну зато у меня теперь будут стальные нервы...

– Если на лестнице посторонние, то как мы попадем на кухню? – тоскливо спросил пернатый, и мне стало его очень жалко. Да и самой захотелось пирожных.

– Можно пройти через крыло сестер...

– У тебя комната, а у них целое крыло? – удивился феникс, склоняясь ближе ко мне.

– Я сама так решила, – улыбнулась я в ответ и решительно двинулась дальше. – И потом, у меня там тоже есть комната. Просто девочки очень резвые, шептуньи и беспокойные, и иногда хочется тишины, вот я и обжила еще и одну из гостевых.

Попугай промолчал, и мы двинулись дальше. Дело в том, что выход в сад был только из

крыла сестер. Ну а из сада можно попасть во флигель, где располагается кухня. Все просто.

Я открыла узорчатые двери с витражными вставками и прошла внутрь, отодвинув голубой тюль, окутывающий дверной проем с той стороны. Мы оказались в небольшом... наверное, все же зале, хотя я никак могла точно охарактеризовать это помещение. На уровне второго этажа шел балкон, огибающий помещение, а внизу была любимая гостиная сестренки. Глянув вниз, я поняла, что девочки и на сей раз не изменили своим привычкам. Две изящные, совсем юные змейки сидели на одном из диванчиков, склонив темную и светлую головки над книжкой.

Я мысленно взвыла. Только не это!

Внизу же разворачивался привычный спектакль.

– Неужели это случится! – томно выдохнула Наррина, нетерпеливо теребя кончик светлой косы.

– Да пора бы уже, – пробормотала ее сестра Киррина и выразительно потрясла открытой книгой. – Дело к концу вообще-то!

– Ну начинай! – подалась вперед Нарри.

– С чего это я? – покраснела Кира и, откинув за спину длинные смоляные пряди, спустила изумрудный хвостик с дивана и нервно обвила кончиком одну из ножек.

Я крадучись пошла по гладким узорчатым плитам пола, прижимаясь к стене и надеясь, что девочки меня не заметят.

– Ну! – раздался звонкий голос снизу. – Начинаю!

Двери уже были так близко, что я могла бы успеть удрать... но тут меня легонько ущипнули за ухо и тихо сказали:

– Стоп.

Я удивленно заглянула в зеленые глаза, и Кеша пояснил:

– Мне интересно.

– Ты же есть хотел! – не удержалась от злого шипения я.

– Мой физический голод временно утолит духовная пища! – пафосно поведал феникс и вновь цапнул за ухо, но на сей раз более ощутимо. – Не губи тягу к высокому!

– Кеша, пойдем отсюда, а?! – взмолилась я. – Одно дело – если я была бы тут одна, а другое – в компании с мужчиной, хоть и бывшим.

Судя по злобно сузившимся попугайским глазкам, Кешка все еще считал себя самцом хоть куда, и я его только что оскорбила.

Продолжить общение мы не успели... внизу начали выразительно зачитывать текст.

– Послышался дверинный скрип и тяжелые шаги Лудана...

Пауза. И озадаченный голос Киры:

– Дверинный скрип? Что-то новое, даже для этого автора!

– Киррина, какая, к ненормальным фениксам, дверь, если тут зашел Лудан! – раздался прерывистый выдох ее сестренки, и спустя секунды девочка выразительно добавила, видать, чтобы все прониклись значимостью момента: – В спальню зашел!

– Да я помню, что она туда его ненавязчиво приглашала... – Шелест страниц и ироничная цитата в исполнении Киры, похоже взявшей книгу у сестры: – Лудан, вы не поверите, как сложно группируются цветочные композиции поздним вечером...

– Не придирайся к мелочам! – шикнула Наррина. – Мы впервые у мамы взрослую книжку утащили! И тут должно быть что-то большее, чем просто «чмок и свадьба, а через год дети». Потому продолжаем! Он уже в спальне у Дуары!

– Однако имя у нее говорящее! – Тихий смех и примирительное: – Больше не буду, читай дальше.

– Хорошо, – слышался недовольный голосок Нарри, но она прокашлялась и продолжила: – Лудан одним грациозным изгибом великолепного тела оказался подле Дуары и низким голосом спросил: «А где же... цветы, о моя ночная лилия?»

– Оба-на! Только сейчас заметила! – непонятно почему радостно воскликнула Кира. – Если он наг, то откуда у него время от времени появляется пара ног? Он же буквально минуту назад «тяжело шагал!»

– Кстати да... – даже отвлеклась от грядущей эротики ее сестрица. Но Нарри так просто с толку было не сбить! – А как он ее назвал! «Моя ночная лилия»!

– Кажется, там упоминалось, что героиня любит духи. – Кира была гораздо более приземленной особой. – И если учесть, что у лилий очень сильный и навязчивый запах, то, может, это был и не совсем комплимент. А «ночная» – так и вообще практически грязный намек!

– Кир-р-ра!

– Молчу...

– Он властно обнял ее за плечи и прижал к своему могучему телу, источающему мускусный аромат!

– Кислятина, что ли? Мог бы и помыться или, по примеру своей лилии, духами облиться.

Я тоже наострила ушки. Неужели сейчас и восполнятся пробелы в знании анатомии?! Кармашки там и прочее... а то у меня мероприятие по идее через несколько дней, а я даже не знаю, с какой стороны там кармашек и как это вообще технически выглядит!

Над ухом раздался озадаченный голос попугая.

– Интр-р-ригующе, однако!

– Может, уйдем? – все же попросила я, потому как слушать *такое* в компании с Кешей все же не хотелось.

– Я все еще интеллектуально голоден, – непреклонно встряхнул хохолком пернатый.

– Может, я тебя в библиотеку свожу? Там хоть и правда пища для ума будет, а не это...

– Не мешай слушать про похождения Ночной Лилии!

И мы продолжили просвещаться...

– Он властно притянул ее нежное тело к своему жаждущему, и их губы слились в долгом, страстном поцелуе! – торопливо зачитывала Нарри. – О-о-о! Уже страстные поцелуи!

– Прогресс, – флегматично подтвердила Кира.

– «Как же я долго мечтал об этом моменте, о Дуара моя!» – прорычал Лудан, опрокидывая женщину на стол и частью скидывая на пол, а частью просто сминая цветы своим могучим телом!

– О, а тут реально интересно! – снова оживилась Киррина. – Могучее тело – это сильно, это я даже зауважала, видать, или много может, или в этот раз сможет! Ну и да... очень жаль цветочные композиции.

– Я тебя буду игнорировать, – пообещала Наррина сестре.

– Пытайся! – щедро разрешила ей брюнетистая зараза, и девочки вернулись к изучению эротического труда.

– Сильное тело нага распластало ее по струганым доскам стола, прижало своей тяжестью и расплющило ее груди о его, вызвав у Дуары стон блаженства, – потрясенно

выдала девочка следующий перл и, видать, зависла.

– Без комментариев, – задумчиво протянула Кира.

– Может, дальше – лучше? – не теряла надежду вторая нага.

– Вспомни, что было раньше... – Кира была реалисткой. – Так что давай воспринимать это как юмор.

– А варианты? – уныло спросила Нарри. – Судя по дополнительным к хвосту ногам, ничего нам нового про анатомию не расскажут... а если и расскажут, то лучше бы нам не знать. Дабы потом не искать у мужчин несуществующих дополнительных деталей.

– Дай мне! – забрала у сестры чтиво Киррина и продолжила: – Части ее одежды полетели на пол, смешиваясь с его... чешуей.

Да, вот так, медленно, но верно, эротический роман превращался в триллер.

– А это даже не смешно!

– Зато я поняла замысел этой ночной Дуары! – радостно поведала брюнеточка. – Чешуя-то стоит о-го-го! А нет... все не так страшно. Вот, слушай. ...Он дернул хвостом, скидывая с него ткань.

Я уже давно сползла по стенке и сейчас давилась смехом, зажимая себе рот. Колорита ситуации добавляла в высшей степени озадаченная физиономия Кешки. Он пошевелился и посетовал:

– Автор, автор... видать, мечты о состоянии, которое можно склотить на чешуе, временами брали верх над эротическими грезами!

Спектакль внизу, вместе с книжным интимом, набирал обороты.

Кира озадаченно зачитала продолжение:

– Лудан хрипящим голосом перечислял на ухо Дуаре все то, что он хотел бы с ней сделать, параллельно расстегивая пояс на бедрах и стягивая через голову тунику. Она лишь томно выгибалась на столе, в истоме закатав глаза.

Я посмотрела на Кешу. Попугай выглядел изрядно озадаченным и даже малость заторможенным.

– И как тебе? – ехидно поинтересовалась я. – Радует интеллектуальная пища?

– Б-б-безумно. А по поводу «как»... – начал феникс. – Ты не поверишь, но мне нечего сказать. Потрясен, да...

А я не нашлась, что на такое ответить. Закатанные глаза – это жест! Так и хочется спросить у девочек, нет ли там, в книжке, рецептика, куда консервированные гляделки потом употреблять. На таком фоне даже кошмарный хрипящий голос Лудана теряет свою прелесть!

Тем временем действие разворачивалось.

– О, Дуара, любовь моя! – с выражением зачитала Кира и, хихикнув, сказала: – Ну вот, хоть по делу! А то сам эту девушку среднего возраста уже почти на столе «того», а так ничего и не сказал!

– Почему среднего возраста? – заинтересовалась ее сестренка.

– Потому что у нее очень богатая биография для «юной трепетной девы с густыми локонами и нежными глазами, статно отражавшейся в зеркале», – явно привела цитату из романа Киррина. – Кстати, статно отражаться тоже уметь надо!

– Дай я почитаю. – Судя по всему, литературный труд вновь перекочевал к светленькой наге.

– Да пожалуйста, мне не жалко! – щедро разрешила Киррина. – Там, судя по всему, как раз... оно самое и начинается.

– Я передумала, – резво попыталась переиграть ситуацию Наррина. – Читай ты.

– Ну уж нет! – торжественно провозгласила нага с зеленым хвостиком. – С меня пока хватит могучих тел, закатанных глаз и статных отражений!

– Зараза, – уныло поведала Нарри и, откашлявшись, вернулась к тексту. – Лудан срывал со своей Дуары немногочисленную одежду, наконец оставив ее обнаженной и изнемогающей от желания. – Снова короткая пауза и неуверенный голос сестренки: – Нет, я, конечно, не специалист, но как можно изнемогать от желания только потому, что тебя разок лапнули за грудь, поцеловали, вдобавок поцарапав, да еще и всю одежду изорвали? И еще, Лудан этот... у него женщина – человеческая ведьма! Почему он к ней лезет в срединной ипостаси?! Совсем уже?!

– Ну... Экстремалы? – предположила Кира. – Ладно! Читай уже!

– Дуара жадно глядела, как с ее возлюбленного слетает одежда и пояс...

– Стоп! Он же это все снимал двумя абзацами ранее!

– Запасной комплект? И вообще, Кирри, не мешай, а то мы ни в жизнь не дочитаем! – Нага продолжила: – Дуара жадно глядела, как с ее возлюбленного слетает одежда и пояс, обнажая чешую на бедрах, которая... постепенно расходилась. И оттуда ка-а-ак вы-ы-ыпрыгнет! Что именно – девушка не разобрала, завопив от ужаса и выскочив в окно, навстречу ночи и дереву. Благо это был второй этаж, и ничего плохого не случилось.

У меня глаза почти что из орбит вылезли в попытке представить услышанное.

– Ты это серьезно? – спустя полминуты осторожно переспросила Киррина.

– Не знаю, как автор, а я – да, – вздохнула Нарри. – Кир, я точно больше такую беллетристику даже в руки не возьму! Да, у нас голос крови может проснуться, и, стало быть, мы попадаем под действие Закона! Это что, в ту первую ночь трястись и ожидать, что сейчас «как выскочит, как выпрыгнет»?!

– Бедная Лалидари, – сделала вполне закономерный вывод Кира. – Надо книжку спрятать... ей только такого стресса накануне не хватало!

Я только тяжело вздохнула и, поднявшись, все же достигла двери, а затем направилась к винтовой лестнице.

– Не волнуйся, доберемся мы до Земляны.

О, видать, и Кеша проникся моей участью.

– Ладно, – встряхнула я головой и слабо улыбнулась. – Вот так эротика и перерастает в ужастики!

– Но «навстречу ночи и дереву» – это было сильно, – задумчиво пробормотал феникс.

Я лишь усмехнулась, быстро сбегая вниз, скользя ладонью по гладко отполированному дереву перил и жмурясь от яркого солнца, которое немного слепило привыкшие к сумраку дома глаза.

До кухни мы добрались быстро, там я представила своего «питомца» и попросила его покормить.

Кеша был само очарование и галантность. Вокруг него собрались почти все поварихи, а этот поганец строил глазки и отпускал комплименты поистине завлекательным ароматам и самим женщинам. В итоге через пять минут перед птицей красовался огромный ассортимент еды, от фруктов и овощей до зерен семи сортов.

Я только потеряла висок, удивленно на все это глядя, а потом спросила:

– Ты тут остаешься, как понимаю?

– До комнаты сам доберусь, – кивнул феникс, неохотно отрываясь от груши. – Спасибо,

что принесла сюда. Пока не начал кушать, не понял, как хотелось.

– Не перестарайся, – посоветовала я и, прихватив блюдо с пирожными и графин сока, вышла в сад.

Остаток вечера прошел... на удивление, как обычно. Ужин с родными, вечер за рукоделием с мамой и девочками, потом – чтение интересной книжки. Правда, как я ни искала хоть что-то конкретное про Земляну и миссии, которые она поручает своим слугам, ничего внятного и путного так и не нашла.

Кешу я не видела до ночи. Он, громко охая, явился только к двенадцати, и в ответ на мой удивленный взгляд пояснил:

– Живот болит. Видимо, все же переел.

Я только улыбнулась и задала Кешке несколько вопросов. Потом поглубже зарылась в подушку, закрыла глаза и уснула окончательно.

Попугай, невзирая на свое столь триумфальное появление, спал спокойно. Да и язык существенно укоротил, что позволило перед сном нормально с ним пообщаться, без желания сжать пальцы на тоненькой шейке и ме-е-едленно удавить.

Змеиная провинция. Дом Инейрана Дальвариса

Погода была прекрасная. Настроение у нага было ужасное.

Инейран крайне не любил дураков, а уж дурака в исполнении себя, любимого, он вообще не выносил. По той простой причине, что глупости обычно оборачивались убытками, и, как настоящий делец, наг это дело не одобрял.

А убытки бывают разные... и часто потеря нематериальная оказывается гораздо важнее, чем деньги. Хотя бы потому, что деньги можно снова заработать, а уж тем, кто на этом специализируется, возместить такой ущерб легко и просто. Но в любом случае, рефлексировать – последнее дело.

Для начала подведем итоги. Дурость была обусловлена вспыльчивостью и, хоть это тоже плохо, особенно для бывшего Тихого, имела объяснение. Потому что лорд Нарийн, дав согласие на исполнение Закона, потом внезапно передумал, глядя в несчастные глазки своей доченьки. А рыжий Иней крайне не любил, когда сворачивают с пути и нарушают договоренности. Хотя сам как раз таковым и не брезговал. Но это же он!

Все начиналось замечательно... У девочки проснулся дар, а значит, не нужно было продолжать бегать за ней, как мальчишка, а просто получить свое. А то... не сказать, чтобы эти полгода были для него совсем уж невыносимыми, но Лали все же была молоденькой девочкой. Да, образ мышления у нее был весьма интересным, то есть наг, к своему удивлению, не скучал в ее обществе и даже с удовольствием делился своими знаниями. И с еще большим удовольствием творил для девочки ароматы. Разумеется, особенные. Аромаг он или кто?

Но все достижения прахом!

Хотя какие достижения... Связанный словом змей был вынужден очаровывать и не переходить границ. А очаровываться малышка не желала категорически! Отвратительное отсутствие физического воспитания. Девушка должна понимать, чего от нее хотят! И хоть как-то реагировать.

Нет, «сходил с ума» наг весьма относительно... Просто хотелось снова и снова ощущать ее запах. Постепенно идея становилась все более и более навязчивой, а избавиться уже проверенным методом не было никакой возможности. Да, Инейрана тянуло к женщинам

именно на уровне запахов, и, как правило, когда он добивался своего, наваждение проходило. Почему эта ситуация должна стать исключением?

– Не должна, – тихо пробормотал наг, скользя на другой конец кабинета и отворяя дверь, ведущую в лабораторию. – И вообще, аромаг я или нет?

Инейран Дальварис, как и любой сильный мужчина, терпеть не мог от чего-то зависеть и вдвойне ненавидел подчиненное положение. Но садистом он не был и брать девушку силой не желал, а стало быть, придется прибегнуть к хитростям.

– С чего начнем? – застыл посреди комнаты рыжеволосый парфюмер, вдыхая свежий морозный запах. Началом всегда был он: этот аромат пробуждал фантазию. На губах нага возникла мягкая улыбка, и он кивнул своим мыслям: – Да, пока хватит и этого.

Ошибки нужно исправлять, ситуацию поворачивать в свою сторону, мир прогибать под себя. Это его право. Право сильного.

Утро началось с опровержений выводов вчерашней ночи, сделанных мною по поводу Кешки.

– Подъем!

Я приоткрыла один глаз и, оглядев наглуую черную попугайскую морду, уныло спросила:

– Чего тебе надобно?

– Ты еще «старче» добавь, – хмыкнул Кеша, торжественно прогуливаясь по моей подушке.

– Не буду! Ты ведь явно из подросткового возраста еще не вышел.

– Вышел. И давно, – спокойно возразил феникс, принимаясь чистить перья. – Просто у меня откат.

– Что это такое? – Под влиянием новых знаний и любопытства мозг все же решил проснуться, и я даже села.

– Как ты верно заметила, для феникса я выгляжу странно, – начал Кешка и порывисто перелетел на спинку кровати, устроившись рядом с моим плечом. – И по размеру я мелкий. Стало быть, большая часть моих сил заблокирована. Умственных способностей и морального развития это касается тоже, так как даже в виде феникса я был большим, то есть объем головного мозга мало чем отличался от того, что в человеческой ипостаси. А сейчас...

– О-о-о, – сочувственно протянула я, глядя на маленькую головенку.

– Именно, – вздохнул птиц. – Отсюда и неадекватное поведение. Видишь ли, Лали, взросление у фениксов подразумевает не совсем то, что понимают под этим словом остальные расы. Что считается зрелостью?

– У вас? – сообразила я и продолжила: – Контроль над собой, сдержанность, успокоение гормонального фона, ментального поля и так далее. Чем старше феникс, тем он более... глыбу льда напоминает. Кстати, а сколько тебе было лет?

– Немало, – хмыкнул мой собеседник и вернулся к теме. – Так вот... конечно, все это так. Но ты перечислила слишком много всего. Взросление – это прежде всего контроль. Над словами, мыслями, телом и магией. Поверь, мы не становимся более противными в плане речи, мы просто не озвучиваем свои мысли.

– Ну, не хочу тебя разочаровывать, но не вы одни такие оригинальные, – хмыкнула я. – Это вообще-то свойство всех разумных, просто с вашими... исходными данными я теперь понимаю, почему самоконтроль у вас возведен практически в культ.

– Какие планы на сегодня?

– Не знаю, – растерялась я и спустила ножки с кровати, кончиком большого пальца тронув холодный пол. Ойс! Пошарила в поисках тапочек, обулась и встала. – По идее как снаряжение, так и карту должны выдать родители.

– Ну тогда я внесу ясность в твою туманную программу. Йо Лалидари, внизу вашего пробуждения ожидает дан-иолит Инейран Дальварис.

Я едва о краешек ковра не споткнулась от таких замечательных новостей.

– Что он там делает?!

– Станные вопросы! – хмыкнул Кешка. – Лично я удивлен тем, что он *там* делает и почему его *тут* нет! По сути, его интересы как раз в этих плоскостях: ты и постель.

Я кинула на мелкого гада злобный взгляд и ретировалась в ванную, с грохотом захлопнув

за собой дверь. Из комнаты послышались какие-то странные каркающие звуки, которые я после некоторых размышлений определила как смех. Все же насколько противное создание!

Но в чем-то он прав. Точнее, он прав по всем параметрам. Инейран явился с вполне конкретной целью – продолжить прикармливать «рыбку», потому что она сорвалась с крючка.

Создатель, как же это отвратительно – быть настолько беспомощной! Я не могу ничего! Все, что у меня есть, – это род, некоторые способности и мозги. Ну, если учителя не льстили, разумеется. Да-да, посмотрим правде в глаза: денежному клиенту могут сказать все что угодно.

Но сейчас... если с Земляной все получится, я все же смогу уехать в Мор-Галин и поступить в Адамантовую академию. В ней есть очень интересный факультет аромагии, где учатся те, кто сочетает в себе дар парфюмера и мага. Вообще запахи могут очень много: заманить, очаровать, вызвать привыкание, лишит сознания и даже убить. Некоторые войны были выиграны благодаря аромагам, а уж сколько предотвращено...

Конечно, обучение в столичной академии недешево, да и отбор жесткий, но попытаться можно. Я в любом случае туда поеду! Минуя Закон или нет... Я хочу стать кем-то большим, чем нежный цветочек в стенах оранжереи.

Это до совершеннолетия, до того, как становится ясно, маги мы или нет, юным девушкам запрещен выезд из Змеиной, а вот потом открыты все дороги. Имей смелость пройти.

Так! О жизни стану размышлять потом! А сейчас надо переодеться и привести себя в порядок. Нас ожидает дан-иолит Инейран Дальварис. Знать бы еще, как себя с ним вести.

Я умылась и, сев на стул, начала расчесывать волосы, мысленно подбирая наряд для сегодняшней встречи. Надо что-то... скромное, но элегантное, при этом чтобы мысли о вольностях в мой адрес даже не возникали.

Да, пожалуй, этот подойдет. Я бросила расческу на туалетный столик, накинула халат и вышла из ванной.

Кеши в спальне не обнаружилось. Кеша нашелся в гардеробной и в данный момент изучал ассортимент моей одежды с бормотанием:

– Нет, ну что это такое... прямо нечего надеть!

Не удержав улыбку при виде этой картинки, я сладким голосом спросила:

– И какой же оттенок розового ты предпочитаешь в это время суток, моя птичка?

Птичка восторгалась и, тронув когтем одну из вешалок, возмутилась:

– Где ты взяла столько этой дряни пороссячьего цвета?!

Двигал вешалки он очень занятным образом. Лапами цеплялся за предыдущую и клювом сдвигал ту, что впереди, разворачивая ее, насколько это возможно, к нам «лицом», чтобы изучить наряд спереди. В исполнении крупного красно-черного попугая это смотрелось в высшей степени забавно.

– Гани считает, что розовый мне чрезвычайно идет.

На деле Гаррини объясняла это несколько иным.

«Детка, ты в этом выглядишь в высшей степени наивно, невинно и... почти без мозгов. Поверь, наряды, преобразующие девушку в «очаровательную дурочку», должны быть всегда!»

– Ага, – проницательно уставился на меня феникс. – Значит, есть и другие?

– Ну разумеется, – фыркнула я и, пройдя к шкафу, распахнула его, демонстрируя еще одну шеренгу вешалок.

– Во-о-от, судя по расцветке, из этого можно выбрать что-то достойное! – воодушевился Кешка и слетел на пол. – Доставай!

– А почему ты так себя ведешь? – тихо спросила я, пристально глядя на птицу. – Сейчас... Ты же не обязан.

Феникс медленно развернулся, задумчиво меня оглядел и сказал:

– Наверное, объяснение покажется странным.

– И все же.

– Не знаю, – встряхнул головой Кеша. – Просто... я очень долго был один. Я был в сознании, но вокруг – лишь серый туман с отзвуками голосов и видениями то реальной жизни, то прошлого. Сначала злился, бился и пытался строить планы мести. Потом потихоньку начал сходить с ума от одиночества, от того, что конца и края этому нет. А потом... словно и сам уснул. Разбудили твои родители, а потом снова заперли... в себе.

Скорее всего, ему было очень плохо первое время. Опять вернуться в свое заточение.

– И сейчас у меня появился шанс что-то изменить, – грустно посмотрел в окно феникс. – Но я сам... ущербный. Я даже общаться разучился. Я срываюсь, я невожатан... я асоциален. Но для того чтобы вернуться и отплатить тем, кто сотворил со мной такое, той же монетой, я должен быть силен как никогда. – Он игриво покосился на меня зелеными глазами и уже весело гаркнул: – Так что ты – мой тренировочный полигон!

Я медленно покачала головой, села на корточки рядом с ним и протянула руку:

– А без ерничанья?

– А как тебе еще сказать? – уже более мирно откликнулся он и перепрыгнул на тыльную сторону ладони.

– Как тебя зовут? – не удержалась от вопроса я. Раз у него сейчас минута откровенности, то почему бы и не воспользоваться?

– Нурикеш, – фыркнул попугай и быстро перебрался на плечо. – И да, ты права: из-за этого меня и обратили именно в попугая. Кеша – Нурикеш.

– Я же еще ничего не сказала!

– Ты очень выразительно думала, – легонько ущипнул меня за ухо птиц и напомнил: – А сейчас одежда. У тебя беседа со змеем.

– Планировала какой-то околodelовой стиль, – потерла висок я.

– Ага... – иронично начал Кеша. – А как одевалась раньше? Как понимаю «свободно-романтичный»?

– Откуда ты так в одежде разбираешься?

– Подрабатывал фрейлиной королевы, – серьезно глядя на меня, выдал этот паяц.

Я не стала по десятому разу повторять вслух свое мнение о нем...

– Почему считаешь, что нельзя?

– Потому что это будет выглядеть или как попытка маленькой девочки возвыситься, или как... приглашение на игру «Растопи меня». – Глядя, как у меня отвисла челюсть, Нурикеш только страдальчески вздохнул, перелетел на тумбочку и закончил: – Бери то, что обычно надевала, а потом поработаем над мелкими деталями, которые и создадут нужное впечатление.

Я взяла и выжидающе уставилась на него.

– И? – спустя полминуты, нетерпеливо начал попугай.

– И! – передразнила я его и, немного замявшись, покраснела и спросила: – А ты... мужчина?

Судя по виду, в осадок выпал уже Нурикеш.

– С утра был самец.

– Да я не про это! – нетерпеливо взмахнула я рукой. – Меня ты как воспринимаешь?

– Как дур-р-рочку! – рявкнул Кешка, злобно сверкнув глазами. – Я сейчас попугай, бестолочь, как я могу тебя воспринимать?! Меня самка попугая сейчас заинтересует в этом плане больше, чем ты!

– А кто тебя знает! – уже совсем залилась краской я и, чтобы хоть как-то преодолеть смущение, скинула халат. Оставшись в одном белье, начала натягивать широкие штаны с завязками на лодыжках. – Ты – феникс, а вы вообще извращенцы редкостные! А по поводу самки... приглашение сводить тебя в зоопарк остается в силе.

– Да я с дурами даже при дворе не спал! – оскорбленно взвыл Нурикеш.

Я подняла голову и озадаченно спросила:

– И где связь?

– Тупые они, – вздохнул феникс. – Совсем тупые... как и самки попугаев. И что ты копаешься?! Давай скорее! У нас еще знаешь сколько всего?!

Я в темпе вальса натянула тунику, верхний расшитый кафтан и выпрямилась:

– Готова.

– Ага, – удовлетворенно кивнул он. – А теперь пошли.

Мы вернулись в спальню, мне велели сесть перед зеркалом и выложить все свои женские богатства.

– И это не грудь, уточняю для дур-р-рочек!

– Уточняю для пернатых хамов: прекрати меня так называть!

Мы несколько секунд буравили друг друга взглядами. Первым сдался феникс. Он отчетливо скрипнул клювом, но неохотно сказал:

– Я был слишком резок, ио Лалидари.

– Я не менее, – мягко улыбнулась в ответ я и достала из ящичков несколько шкатулок с украшениями.

– Золото отметаем сразу, – отодвинул одну Кешка. – Да и маловато его у тебя, кстати...

– Ну, я не гонюсь, – пожала плечами я и открыла вторую шкатулочку. – Тут мое любимое. Серебро и полудрагоценные камни.

– Отлично! – кивнул феникс и оценивающе глянул на меня. – Хватаем больную бирюзу, ту, что с зеленоватым отливом, видишь? Вещи-то у тебя цвета морской волны. Ага... О, какой браслетик! – Он повертел в когтях на мой взгляд немного массивный браслет с классической голубой бирюзой и сказал: – Надевай. И серьги вот эти... в самый раз. На грудь... – На грудь тоже так оценивающе посмотрели, что мне захотелось прикрыться. – Что-то массивное, но одиночное.

– И все же, откуда такие навыки? – спросила я, послушно надевая указанное.

– Женщин много раздевал, – хмыкнул этот специалист.

– Не за это ли тебя в попугая?

– Если бы за это, то было бы вообще очень обидно, – честно ответил Кешка. – Вообще-то у меня просто сестра есть. Младшая. И я ей почти ни в чем не мог отказать, а желала она в основном моей компании. Вот и нахватался поневоле... а потом навык закрепился. Да и вообще, мужчины лучше видят, что подойдет женщине.

– И что дальше?

– Волосы заколи сзади, чтобы открыть лицо, и потом заплети в свободную косу, –

продолжал инструктировать попугай. – Завязочки на одежде... тут подтяни, тут расслабь, а тут совсем ее выдерни. Обожаю восточную одежду! Снимать легко, да и вообще драпировать по фигуре или ее отсутствию... Все, можешь любоваться!

Я посмотрелась в зеркало и одобрительно кивнула, стараясь не выдать приятного удивления. И да... все как обычно, но... более холодно. Бирюзового цвета одежда, массивные украшения на шее и запястье, длинные серьги, в волосах заколки.

– Что у тебя с духами?

Я лишь скривилась:

– Много, и они отличные... Но все – работы Инейрана.

– Он парфюмер? Интересно...

– Он аромаг, – вздохнула я.

– Поня-а-атно, – каким-то нехорошим тоном протянул феникс, но почти сразу смягчился: – Значит, отпадают... А почему других нет?

– А зачем, если мне нравятся эти запахи?! Я раньше и не заказывала...

– М-да, задачка... – Попугай огляделся и вылетел в окно со словами: – Две минуты.

Я пожала плечами и села.

Обернулся он даже быстрее, неся в клюве какую-то веточку.

– Мята... – понюхав, поняла я.

– Отрывай листик и растирай по коже, – посоветовал феникс. – Будешь как мятная роза у нас сегодня.

Я так и сделала. Выходя из комнаты, попросила Нурикеша остаться. Я должна, я хочу встретиться с Инеем сама.

Спустилась в гостиную и, решительно распахнув двери, почти сразу замерла... потому что фигура у окна была человеческой.

– Инейран?

– Добрый день, Лали, – повернулся мужчина и одарил меня улыбкой.

– Здравствуйте, – настороженно посмотрела я на него и оглянулась, в надежде заметить тут хоть кого-то из семейства. Все же высокий гость и так далее...

Пространство меня не порадовало: здесь не было никого, кроме возмутительно человекоподобного мужчины!

Я никогда его не видела в этой ипостаси. Он и правда был не очень высокий, всего метр восемьдесят, наверное, но я все равно изрядно ниже. Просто папа даже в человеческом виде – за два метра, и Инейран по сравнению с ним мелковат.

На рыжем был классический костюм, отсутствовал только камзол, который Иней перекинул через руку, оставшись в рубашке и жилете.

Солнечный свет искрился на медных волосах, как обычно, заплетенных в сложную косу, отражался в глазах цвета темного, предгрозового неба, и я с ужасом поймала себя на мысли, что он мне такой... нравится. Очень-очень нравится.

Я встряхнула головой, чтобы выбросить из нее подлые мыслишки, нацепила любезную улыбку и прошла в комнату, закрыв за собой дверь. Хотя очень хотелось ее распахнуть и подпереть чем-то, чтобы не закрылась. Но это бы было некрасиво, а я – девушка воспитанная. К сожалению.

– Добрый день, дан-иолит Инейран Дальварис, – вежливо поздоровалась я, буквально заставляя себя подойти к нему ближе. Так... два метра. Да, хватит!

– И вам здравствуйте, ио Лалидари, – с веселой иронией отозвался Иней, лукаво

посматривая на меня. Потом взглянул в окно, где сверкало на листве солнце, шевелил ветви ветерок и пели птички, а после невинно заметил: – Сегодня замечательная погода, не так ли?

– Чудесная, – поддакнула я, угрюмо глядя на мужчину, не в силах вообразить, что он опять придумал. Это после вчерашних-то откровений и лапаний мы снова галантный джентльмен в лучших традициях начала нашего с ним знакомства?!

– Но все же несколько прохладно для этого времени года, – продолжил занимательную беседу о природе и погоде Инейран.

– Дело к осени, – философски отметила я, поддерживая разговор ни о чем.

Стоим. Смотрим в окно. Лично я нервно сжимаю пальцы и с трудом удерживаюсь от того, чтобы не развернуться и не сбежать совершенно хамским образом.

– Может, вы желаете присесть? – все же нарушила я молчание. Ну что же, раз он призвал на помощь официоз, то почему бы и мне этим не воспользоваться? Хотя что-то подсказывает, что именно *мне* наг и дал возможность хоть отчасти спрятаться за любезностями.

– Разумеется. – Тонкие губы скривила едва заметная усмешка, и Иней плавно, с поистине змеиной грацией опустился в одно из кресел.

Я гораздо более нервно села в то, которое напротив.

– Может, вы чего-то желаете? – предположила я, вспоминая все, что мне преподавали по чайным церемониям. Надо дать гостю максимальную свободу. Правда, потом я взглянула в странно потемневшие глаза Инейрана и поспешно озвучила ассортимент вопреки всем традициям: – Чай любого сорта и вида, также могу предложить какао или кофе.

– Ты прекрасно знаешь: все, чего я хочу, сейчас в этой комнате, – низким голосом проговорил Иней, как-то очень... тяжело глядя на меня. Да, его взгляд был тяжелым, давящим, лишаящим дыхания... и мне почему-то становилось жарко.

Я поспешно оглянулась, пытаюсь понять, что он себе тут приглядел, и, заметив графин, радостно предположила:

– Водички?

Инейран очень уныло меня оглядел, а потом сказал:

– Как же с тобой сложно...

– В чем? – хлопнула я ресницами.

– Чаю мне, – потер висок мужчина, мрачно смотря перед собой. – Каркаде, если можно.

– Разумеется, – просияла я, радуясь, что мы хоть в чем-то достигли взаимопонимания, и хлопнула в ладоши, произнося ритуальную фразу: – Брауни дин.

Почти сразу в центре появилось туманное облачко, из которого вышла маленькая златокудрая голубоглазая девочка в синем платье и передничке. Малышка присела в каком-то подобии реверанса и поинтересовалась:

– Чего изволите, госпожа?

– Чай каркаде, пожалуйста, и сладости, – улыбнулась я в ответ. – Спасибо, Мышка.

Вообще девочку звали Мышисса. По сути, мы вместе с ней росли, да и взаимоотношения нас связывали отнюдь не такие, как должны быть у дочери хозяев и служанки. Хотя бы потому, что служанкой брауни и не была. У нас в доме трудилось немало этих волшебных существ, и все на разных должностях, конкретно отец Мышки был управляющим, а девушка ему по мере сил помогала и со временем вполне могла принять бляху, символизирующую контроль над домом. Мы с ней подружись еще и потому, что обе в какой-то мере были сиротами. Но если я круглой, то у нее остался папа, который души не чаял в своей

златовласке.

Странно, что брауни сегодня в роли горничной. Наверное, заболела одна из служанок, вот она ее и заменяет.

– Леди Мышисса, рад вас видеть, – улыбнулся Инейран и склонил голову в знак почтения.

Мышка же лишь поджала губки, неодобрительно глядя на нага, но все же поздоровалась, а потом пропала. На кухню за заказом улетучилась.

В случае с брауни «улетучилась» воспринимается в самом прямом смысле.

– Итак, – посмотрела я на Инея. – Может, уже перейдем к сути дела?

– А оно тебе надо? – вскинул рыжую бровь этот бессовестный и расплылся в такой кошмарно двусмысленной улыбочке, что даже у такого наивняка, как я, не осталось ни малейших сомнений в том, куда же он клонит.

Все, что я могла, – это покраснеть и потупить, притом внутренне презирая себя за такую реакцию. Да сколько же можно быть беспомощным тушканчиком, которого вгоняют в краску намеки?!

И таки да, Иней прав, мне это не надо! Чем дольше он будет изображать прежнего рыжего и пушистого, тем лучше для моей нервной системы!

– Сегодня удивительно голубое небо, – невинно отметила я, нагло глядя ему в глаза.

– Точно, – рассмеялся Инейран, а потом предельно серьезно выдал: – Безумно хорошо гармонирует с цветом обоев.

Мы оба задумчиво осмотрели зелено-белые обои.

У меня ощущение, что кто-то издевается! Этот кто-то смотрел на меня и улыбался, подтверждая смелые выводы.

Нарушая наш «содержательный» диалог, снова появилась Мышисса, теперь уже – с подносом в ручках, который она поставила на стол. Чем хороши брауни – могут менять размер. Когда златовласка приходила за заказом, то ростом была от силы мне до колена, а теперь стала по пояс, потому что иначе не смогла бы утащить поднос. К сожалению, Мышка совершенства достигла только в этом... Облегчать ношу магией у нее никак не получалось.

Брауни сбежала, оставляя нас втроем. Я, Иней и поднос.

Воодушевленная новым участником «беседы», я посвятила ему все внимание. Взяла чайничек и разлила по двум фарфоровым расписным чашкам темно-красный напиток с приятным кисло-сладким ароматом.

– Сколько кусочков сахара? – спросила я, протягивая мужчине теплую чашечку. Все же термозащита на посуде – великолепная вещь!

– Я сам.

Мои пальцы обхватила его прохладная рука, и, вскинув голову, я поняла, что зря наклонилась и подалась ему навстречу, когда передавала чай. Потому что теперь его лицо почему-то было совсем близко, настолько, что его дыхание со свежей цитрусовой ноткой касалось моей кожи. Я начинала теряться в синем, темнеющем с каждым мигом взгляде. Иней осторожно обхватил второй рукой мой подбородок и коснулся губ нежным поцелуем.

Я замерла, испуганно распахнув глаза, а потом... потом они как-то сами собой закрылись. Его прикосновения были очень осторожными, ласковыми и даже трепетными. У меня начали слабеть пальчики... а пальчики держали чашечку с горячим чаем.

Плеск воды, судя по всему, первым услышал Инейран. Ну или не услышал... судя по тому, как подскочил и с шипением накрыл мокрое пятно на колене. Хорошо хоть на колене, а

не выше!

– Внимательнее надо быть, – меланхолично отметила я и, взяв салфетку, промокнула лужицу на столе. – И не отвлекаться во время еды.

Чего мне стоила эта невозмутимость, не знал никто!

Инейран обжег меня злым взглядом и прошипел:

– Лали, детка, во время еды подобные отступления от «темы», как правило, ни капли не вредят!

– Полагаюсь на ваш опыт в «подобных отступлениях», – мило улыбнулась я в ответ и притянула к себе свою чашку. – Мой же опыт, хоть и в менее экзотических направлениях, свидетельствует о том, что при обращении с горячим внимание стоит уделять ему. Вы не согласны?

– Что вы, ио Лалидари, – смирил себя и вновь мило улыбался Иней, параллельно проводя ладонью над пятном на брюках, которое медленно исчезало. – Разумеется, я поддерживаю вашу точку зрения.

– Чудесненько, – снова засияла я аки солнышко и повторно наполнила чашку чага.

Он как-то очень мрачно на это посмотрел, и чаепитие мы продолжили в гнетущем молчании.

Когда напиток закончился, Инейран отставил чашку и, поднявшись, с поклоном подал мне руку:

– Я бы хотел просить о вашем обществе на прогулке.

– У меня много дел... – с намеком медленно начала я.

– Собраться успеешь, не переживай! – откликнулся этот гад, и я недобро прищурилась.

А вот не стоило мне про такое напоминать!

– Я и не переживаю!

– Вообще чудесно! – вновь улыбнулся рыжий и, наклонившись, бесцеремонно обхватил меня за талию, достал из кресла, поставил рядом с собой и ультимативно заявил: – Мы идем гулять, моя илу!

Вот же сволочь! Напомнил о статусе, о том, что я уже полностью в его распоряжении и предоставляемая свобода выбора – лишь иллюзия!

– Как прикажете, илудар! – последнее слово я почти выплюнула, со злостью глядя на мужчину.

Он на меня смотрел очень грустно.

– Лали, малыш, так и будем воевать? – удрученно поинтересовался парфюмер, осторожно привлекая меня к себе. – Я же стараюсь быть прежним для тебя. Быть хорошим и ласковым, соответствовать твоим ожиданиям. Я даже обернулся, хотя не особенно люблю эту нежную ипостась!

– Ты все это делаешь исключительно ради себя, – любезно ответила я, пытаюсь отстраниться от настойчивого типа. – Только затем, чтобы я меньше трепыхалась.

– Ну, не без того, – честно ответил Инейран, и мне очень захотелось дать ему чем-то тяжелым по такой вроде бы умной рыжей башке.

Нет, ну вот где его прославленные мозги, а?! Неужели он правда думает, что почти влюбленная... Ну ладно, не станем лукавить, влюбленная. Короче, неужели влюбленная я буду в восторге от того, что предмет восторгов имеет виды исключительно на тело, и после того, как его добьется, собирается скрыться в голубых далях?!

И что самое противное, он считает, что я должна быть счастлива в сложившейся

ситуации! И я бы была, наверное... если бы, как последняя идиотка, не была к нему равнодушна!

– Идем гулять, – с намеком сказала я, смотря прямо перед собой, то есть на его шейный платок насыщенного синего цвета, заколотый булавкой с черным бриллиантом. Выпендрейчик!

Между прочим, надевать такое в гости к людям ниже тебя по достатку, в будний день, не по праздникам, – это признак снобизма!

Мысль о том, что раньше мне в этом виделось что-то особенное и отличающее его от других, я отменяю, и весьма решительно! Это раньше, когда я была молодая и глупая.

Ту же мысль, но с уточнением, что с «того» времени прошло меньше двух недель, отправила туда же, куда и первую!

Пока я размышляла, Иней, видать, тоже о чем-то думал. И пришел к каким-то выводам.

– Лали, – тихо сказал он, склоняясь к самому моему уху и проводя пальцем по шее, отчего кожа тут же покрылась мурашками.

А почему она ими покрылась?

Пра-а-авильно!

– Иней, мне зябко, пошли уже скорее.

– Давай я обниму тебя крепче! – последовал его хриловатый смешок, и наглые руки скользнули на спину и медленно провели от лопаток к талии.

У меня перехватило дыхание.

А почему?

Пра-а-авильно!

– Да я, похоже, заболеваю... – задумчиво сообщила я вникуда.

– И я, я тоже болен! – вдохновенно выдал рыжий дурак, прижимая меня еще крепче к себе.

– Ничем дышать! – просипела я, обвисая на руках у нага, который малость не соизмерил силы, и закатывая глаза.

– Я тоже немного волнуюсь, – немного снисходительно отозвался Инейран. – Но не тревожся, все пройдет хорошо!

– Сейчас потеряю сознание, – полуобморочным тоном заявила я, вцепляясь в его плечи. – Иней...

– Какая страсть, – восхитился этот бессовестный, отцепляя мои пальчики, которые почти достигли его шеи! Гр-р-р! А цель была так близка.

– Иней...

– Милая, не стоит так реагировать, – заботливо сообщил рыжий, прижимая меня к себе и между делом скользнув одной ладонью аж до бедер. – Хотя мне, конечно, лестно.

Он уже давно ослабил хватку, потому сейчас я просто висела на его руках и пыталась прийти в себя. И при этом удержаться, чтобы не дать некоторым по морде.

– Подведем итоги, – с показным спокойствием начала я. – Ты меня только что чуть не придушил и в очередной раз сделал «комплимент» моим мозгам. В твоём понимании, их отсутствию.

– Как это – придушил? – перепугался Иней, ослабляя хватку. – Лали, прости, если тело нага я контролирую идеально, то этим просто слишком мало пользуюсь, вот и не знаю границ.

– Не извиняет, – сухо сообщила я и, встряхнув головой и отстранившись, пошла к

дверям. – Мой илудар, вы желали прогулки.

– Хватит ерничать! – не выдержал илудар и, подхватив меня под руку, вывел из дома в сад. – Может, в парк?

– А можно? – спросила я, но тем не менее в душе поднялась волна нетерпения. – Ведь в людные места ходят только с родственником мужского пола.

– Со мной тебе можно куда угодно, – усмехнулся мужчина, и я вновь загрустила, без лишних слов понимая, о чем он.

Закон о чистоте крови. Договор.

Мы шли долго. Сначала через наш сад, потом – тропами, после этого наконец попали в ухоженный и сейчас на удивление пустой парк.

– Я не знаю, с чего начать, – неожиданно признался рыжий. – Вот правда. Я, разумеется, и раньше сталкивался с юными нагами, но никогда не испытывал желания знакомиться ближе...

– И как же ты меня воспринимал эти полгода?

– Тебя отдельно, тело отдельно, – честно ответил наг... и меня вновь посетило желание смертоубийства.

Почему же он такой до идиотизма честный?!

Я недолго думая озвучила этот животрепещущий вопрос.

– Потому что есть вполне резонные опасения, что отведенного Законом времени мне не хватит.

– Ага... – кивнула я. – И еще вопрос... твое «тебя отдельно, тело отдельно» – это в какой трактовке? Только тело, а меня – это так... потому что по отдельности не ходим?!

– Дурочка ты, – беззлобно улыбнулся Иней и неожиданно снова притянул меня к себе, ласково проведя ладонью по волосам. – Тебя отдельно, потому что общался я с тобой, а ты... маленькая. Если бы я думал о тебе как о женщине, то сорвался бы гораздо быстрее.

– Ничего не понимаю, – беспомощно подняла я на него глаза. – Ты противоречишь сам себе! Что ты говорил в кабинете отца?! Напомнить? И что, твое мнение изменилось за эти неполные сутки?!

– Лали!

– Скоро восемнадцать лет, как Лали, – холодно ответила я, пытаясь отстраниться. – Иней, не надо усложнять.

И давать мне надежду.

Этого я не сказала... Да и думать про это было нежелательно.

Он только внимательно на меня посмотрел, а потом вновь притянул к себе и, зарывшись одной рукой в волосы, не позволяя мне отвернуться, медленно склонился ко мне, касаясь губ поцелуем.

Я закрыла глаза и постаралась остаться безучастной. Оно мне надо? Беречь все это.

Но, как ни странно, когда он в виде человека, я... таю. Незаметно уплываю в какой-то странный туман от его прикосновений, растворяюсь в дымке и уже не могу быть статуей в руках Инейрана. Вскидываю ладони – и пальцы ложатся на гладко заплетенные волосы, скользят по изгибу его ушной раковины, отчего мужчина вздрагивает и прижимает меня ближе. А волосы... поглаживая гладкое переплетение косы, я невольно вспоминаю: он говорил, что они выются. И мне вдруг очень хочется распустить и посмотреть.

Поцелуй перестает быть нежным, в нем появляются страсть и нетерпение. Я робко следую за Инеем, подчиняюсь его движениям, нерешительно пытаюсь отвечать, отчего мужчина, кажется, вообще сходит с ума. Тихий стон, он на миг отрывается от меня и, обжигая полночно-синим взглядом, вдруг кладет ладони мне на талию и приподнимает меня. Спустя миг я уже плотно прижата к шершавой коре дерева. Успеваю лишь испуганно охнуть, но мне сразу же вновь закрывают рот поцелуем. Вскидываю руку, упираясь ладонями в его плечи, но... он не чувствует. Он сильный, очень сильный. Он целует так, что страх тесно переплетается с желанием, так, что под кожей бегут обжигающие искорки, воспаляя кровь. Так, что я начинаю забывать о том, зачем мои пальцы легли на его плечи. И я предаю... сама себя, свое слово, свои интересы.

Я его обнимаю.

Все как в тумане... Что, зачем, почему? Потому что меня дурманит его запах. Привкус апельсина от его поцелуев сводит с ума. Он еще никогда не был так близко. Почему-то в виде нага я его так не воспринимала. Я его боялась. Он был слишком большой и внушительный, а вот как человек... гораздо ближе.

Руки Инея уже давно не лежат на талии, они нежно поглаживают спину, ласкают чувствительную шею и ушко, скользят все ниже и ниже по ключицам, расстегивая застёжку кафтана. Один нетерпеливый рывок – и ткань сине-зеленым озером ложится у моих ног.

Он не переходит границ, он по-прежнему невероятно медленно и томно целует, лаская открытые участки кожи, глядя запястья и ладони. Время от времени отрывается от моих губ, чтобы коснуться своими или кончиков пальцев, или мочки уха, на что мое тело отвечает едва заметным трепетом.

И касания, касания, касания... Легкие, едва ощутимые, но лишаящие разума вернее самых страстных поцелуев.

Точнее, от них я бы как раз опомнилась и сбежала. Если бы получилось... Он перекрыл все... кислород, почти не отрываясь от моего рта, заставляя дышать только запахом его кожи... его парфюма. Перекрыл и пути отступления, прижимаясь так близко, что я не смогу вывернуться, даже если бы захотела...

Лали, да приди же в себя!

– Много одежды. – Хриплый голос мужчины врывается в одурманенное сознание, и я вздрагиваю, потому что одновременно с этим он обхватывает ладонью мою грудь, ловит с губ потрясенный вздох и тихо смеется.

Это и привело меня в чувство. Слишком смелая ласка... и смех! Он уже торжествовал победу! И я забила, стараясь сбросить с себя сладкое оцепенение, скинуть его руки, вывернуться из объятий. И ведь не укусишь! Результаты от проб яда, которые у меня брали,

пока еще не пришли. А вдруг я его этим убью? Смерти пронырливому рыжему я не желала.

[Купить полную версию книги](#)

notes

И о – вежливое обращение к незамужней девушке, не прошедшей первую линьку, несовершеннолетней.

Дан-иолит – обращение к мужчине благородного происхождения.

Иолит – вежливое обращение к простому нагу.